Себастьян Маас

ДРУГАЯ НЕМЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:

Эдгар Юлиус Юнг и метафизические основы Консервативной революции

Издательство Регин-Ферлаг, Киль, 2009 г.

КИЛЬСКИЕ ИДЕЙНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ТОМ I

Сокращенный перевод с немецкого.

Об авторе:

Себастьян Маас родился в 1981 году, изучал политические науки, педагогику и историю в университетах Констанца и Тюбингена, уделяя основное внимание новейшей истории идей и истории философии. Занимался исследованиями таких тем, как Консервативная революция и Новые правые. Основное исследование Мааса о жизни и творчестве немецкого консервативного революционера Эдгара Юлиуса Юнга (1894-1934) вышло в 2009 году под названием «Другая немецкая революция» в академической серии «Кильские идейно-исторические исследования» (KIGS) в качестве первого тома серии и обратило на себя внимание широкой публики. В 2010 году последовали публикации об Артуре Мёллере ван ден Бруке («Борец за Третий Рейх») (KIGS 2), и об Отмаре Шпанне («Третий путь и истинное государство») (KIGS 3), в 2011 году вышла монография о консервативном революционере Вильгельме Штапеле, «Сильное государство и Тевтонская империя» (KIGS 4).

О книге:

Когда в ходе подавления Путча Рёма 1 июля 1934 года был застрелен Эдгар Юлиус Юнг, в его лице погиб выдающийся теоретик младоконсервативного направления Консервативной революции.

Юнг стал особенно известен, в частности, благодаря своей острой критике парламентаризма и эгалитаризма в его основном труде «*Господство неполноценных*» (1927/1930). Это произведение, изданное в двух совершенно различных изданиях, должно было стать чем-то вроде учебника, «энциклопедии контрреволюции» (Карлхайнц Вайсман). Юнг подхватил идеи Алексиса де Токвиля и продолжил мысли Освальда Шпенглера, на него также повлияли Отмар Шпанн, Леопольд Циглер и Николай Бердяев. Позиции Юнга – при некотором внешнем сходстве – были полностью противоположны позициям НСДАП, и приход Гитлера к власти 30 января 1933 года испугал Юнга; теперь он решил сам принять участие в игре вокруг власти.

В конце 1933 года Юнг и группа младоконсервативных интеллектуалов попыталась создать конспиративный центр. Юнг написал для Франца фон Папена Марбургскую речь, которую фон Папен произнес 17 июня 1934 года. Имперский министр пропаганды доктор Геббельс воспрепятствовал распространению речи, и фон Папен заявил о своей отставке. Спустя очень короткое время Юнг был арестован, а затем при так никогда и не выясненных полностью обстоятельствах застрелен в концентрационном лагере Ораниенбург.

Эта академическая работа исследует труды Юнга, рассматривает его политические и философские взгляды. Личность Юнга подвергается в ней биографическому анализу, но еще важнее в ней идейно-историческое рассмотрение его взглядов. Она поможет неподготовленному читателю разобраться в мышлении Юнга, а исследователям предложит новые подходы к проблеме и, возможно, также новые материалы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эдгар Юнг уже при жизни был спорной фигурой. Социал-демократ, специалист по государственному праву, Герман Хеллер назвал основное произведение Юнга «Господство неполноценных» «самым всеохватывающим немецким кредо» революционной молодежи, а национал-социалист Бальдур фон Ширах ругал Юнга как попутчика либеральной системы. После захвата власти Гитлером Юнг считался в Третьем Рейхе реакционером, но Бертольт Брехт в связи с убийством Юнга сказал, что «фашисты» просто ликвидировали одного из своих. Разногласия продолжались также после 1945 года. В то время как одни видели в Юнге участника самого раннего антинацистского сопротивления, другие осуждали его как «первопроходца» национал-социалистического режима, одни подчеркивали его последовательность в борьбе с тоталитарным порядком, а другие – его враждебность к Веймарской республике.

Чем больше проходило с тех пор времени, тем большими становились опасения, что скоро уже никто не сможет понять, чего, собственно, добивался Юнг, откуда взялись его идеи, как развивалось его мышление, почему он трансформировал свое первоначально национально-революционное мировоззрение в традиционалистское, почему он, политический активист послевоенного времени, смог стать сторонником христианского обновления Германии и Европы. Было несколько попыток воспользоваться его фигурой для создания «самопонимания» Федеративной республики, но они провалились еще быстрее, чем подобные усилия с заговорщиками 20 июля. В конечном счете, помимо интересующихся им с чисто научной точки зрения ученых, сохранился только маленький круг людей, которые были очарованы личностью и убеждениями Юнга, в том числе и по той причине, что он – в столь необычной для интеллектуала манере – всей своей личностью выступал за свои убеждения.

Он обозначил эти убеждения как «консервативные», не путая при этом консерватизм с ностальгией, сохранением имущественного положения или с той слепой верой в «органическое развитие», которая долго была распространена среди консерваторов. В письме Генриху фон Гляйхену, издателю «Кольца», ведущего органа «младоконсерваторов», он писал: «Несомненно, будущее можно спокойно доверить действующему основному чувству истинно консервативного человека. Оно не нуждается в какой-либо «программе», и все же почти все консервативные мыслители сформировали практические программы, по той простой причине, что необходимы определенные основные представления о сущности социальных учреждений, чтобы вообще гарантировать возможность создания политической воли. Но особенно это необходимо тогда, когда время или народ утратили традицию политического консерватизма. Здесь просто не оста-

ется ничего другого, как написать грамматику языка консервативной политики».

Юнг пытался выполнить это задание в его время. Сегодняшним людям легко возражать против его «грамматики языка консервативной политики», но такой критике должно предшествовать точное знание. Поэтому нужно приветствовать новую попытку систематически представить биографию и духовное развитие Юнга в работе Себастьяна Мааса. Возможно, в этой связи будет показано и то, какие из представлений Юнга до сих пор не утратили своего значения. Это никак не затрагивает положения личности Юнга: «Первая кровавая жертва... для уже погибшего в земной жизни Рейха», как назвал Юнга его друг Леопольд Циглер.

Гёттинген, сентябрь 2009 года
Карлхайнц Вайсман

1. ВСТУПЛЕНИЕ

«Синтагма «Консервативная революция» – это одно из самых успешных творений новейшей истории идей».

Штефан Бройер, 1993

Многочисленные популярные попытки интерпретации истории включают в свои рассмотрения, прежде всего, большие мировоззренческие течения, как, например, национал-социализм или коммунизм. У таких способов интерпретации на метаисторической основе, разумеется, есть своя привлекательность. Однако в них из-за их фиксации на большие идеологические контексты всегда также присутствует опасность исключить так называемые «Третьи пути». Под концепцией «Третьего пути» понимаются альтернативные возможности формирования общества. То, что у таких альтернатив вполне была конъюнктура в истории, ясно видно из таких терминов как «Третий Рейх», «Третья точка зрения», «Третья партия» и «Третий фронт». Из этого следует необходимость исторических исследований, которые занимаются «нишевыми темами».

Поэтому предметом нижеследующего исследования стала историческая личность, сила мировоззренческого воздействия которой, в отличие от больших течений современной истории, не была достаточной, чтобы попасть в школьные учебники в ФРГ. Эдгар Юлиус Юнг, наряду с Отмаром Шпанном, Артуром Мёллером ван ден Бруком и Вильгельмом Штапелем, считается самым важным представителем так называемых младоконсерваторов. Младоконсерваторов, в свою очередь, Армин Мёллер в своей диссертации «Консервативная революция в

Германии в 1918-1932» объединил с т.н. народными националистами («Фёлькише»), национальными революционерами, «Бюндише» (движением молодежных союзов) и народническим крестьянским движением «Ландфольк» под сборным понятием «Консервативная революция». За прошедшее время этот фундаментальный труд вышел уже шестым изданием, которое было издано после смерти Мёллера историком Карлхайнцем Вайсманом в переделанной форме. Мёллер, который, будучи гражданином Швейцарии, во время Второй мировой войны добровольно вступил в войска СС, а позже стал близким сотрудником Эрнста Юнгера, видел главной целью своего энциклопедического труда дать правым интеллектуалам в Германии научно обоснованные знания. Уже из этого намерения Мёллера можно догадаться, что в случае с темой «Консервативной революции» речь идет о политическом «минном поле». Эрнст Нольте делает правильное различие между «лечебно-исторической историографией», в которой историки объединяются для достижения определенной политической цели, и ревизионизмом, который стремится опровергнуть доминирующее учение. Следовательно, внедрение понятия «Консервативная революция» в научный контекст нужно интерпретировать как попытку основать политически-историческую школу, которую следует причислить к правоконсервативному лагерю. При этом очень важна необходимость отграничить национальные, консервативные и народно-национальные («Фёлькише») группы от национал-социализма. В этом смешении есть вина политических левых, так как приравнивание национал-социалистов ко всем другим правым группам используется как действительно эффективное средство борьбы, чтобы политически исключить нелюбимых мировоззренческих противников.

В целом проект Мёллера можно оценить как успешный, так как понятие «Консервативная революция» было включено в научно-исторический дискурс без большого сопротивления. Только в 1993 году социолог Штефан Бройер в своей монографии «Анатомия Консервативной революции» попытался доказать, что общего знаменателя внутри Консервативной революции вовсе не существует. Далее нельзя найти какой-либо непрерывности между консерватизмом девятнадцатого столетия и Консервативной революцией в Веймарской республике, так что термин «новый национализм» казался бы более подходящим. Такая затея должна была показаться правым историкам святотатством, из-за чего критика не заставила себя долго ждать. Даже если логичностью академической попытки реформации Бройера следует наслаждаться с осторожностью, его книга предлагает очень хороший обзор относительно идеологической противоречивости внутри Консервативной революции. «Политическая функция» Бройера состояла, главным образом, в том, чтобы аналитическими средствами осветить базирующееся на метафизических основах мировоззрение консервативных революционеров. Этот подход является важным вкладом в дальнейшее развитие исследований этого вопроса. Тем не менее, социологический метод Бройера нель-

зя классифицировать как цельный, вследствие того, что он исключает «симпатию». То, что нужно понимать под «симпатией» в контексте исторической науки, объясняет следующее высказывание Эрнста Нольте:

«Разумеется, также уже здесь проявилось то, что я в первую очередь стараюсь отдать должное действующим в истории людям, понять их в их мотивах, даже если я не принимаю или даже осуждаю эти мотивы. В этой связи я даже употребил выражение «симпатия»: Историк не может работать без симпатии к объектам его исследования. [...] Однако симпатию нужно понимать не как изъявление дружбы, а то, что называется симпатизировать: уметь сочувствовать, сопереживать, соболезновать, постигать».

Синтез из аналитического метода и «симпатии» согласно Нольте должен в дальнейшем существенно определять используемый подход.

О младоконсервативном политике и публицисте Юнге за прошедшие десятилетия появились монографии с различными акцентами. Диссертация Карла Мартина Грасса «Эдгар Юнг, кружок фон Папена и Кризис Рёма 1933/34» в 1966 году положила начало этому процессу. Это исследование меньше занимается мировоззрением, а концентрируется скорее на исторических фактах вокруг деятельности Юнга как консультанта в окружении Франца фон Папена и процессов, связанных с кровавым подавлением Путча Эрнста Рёма. Из этого первоначально задуманного как биография произведения мало что можно узнать о «раннем Юнге». Это можно объяснить недостаточностью источников. Юнг как человек, а также его годы учебы и войны поэтому остались в этой книге во мраке неизвестности. Монография Бернхарда Йеншке, которая фокусируется преимущественно на мировоззренческих аспектах, создает последовательное впечатление, будто ее цель – критика Юнга в соответствии с мерилами западногерманских представлений о морали. Согласно этому подходу Йеншке приходит, в конечном счете, к выводу, что Юнг пал жертвой бесчеловечной идеологии, от ослепления которой якобы он мог спастись только в поздней фазе. Резкой противоположностью вышеназванному научно-историческому методу является книга Эдмунда Форшбаха. У этого соратника и друга Юнга речь идет преимущественно о том, чтобы показать сопротивление против Адольфа Гитлера в наиболее блестящем свете. Этот источник демонстрирует весьма малую объективность, но зато одновременно, благодаря своей близости к историческим событиям, предлагает интересный взгляд за кулисы публикаций Юнга. Самое актуальное отдельное исследование было опубликовано в 1996 в форме диссертации Гельмута Янке. Янке сам склоняется скорее к консервативной интерпретации, что можно увидеть, например, в том, что он в значительной степени отвергает основные тезисы Бройера. Так Консервативная революция представляет у него отдельное идейное движение, которое нельзя смешивать с национал-

социализмом. Автор также отвергает гипотезу, которой все еще придерживаются некоторые историки, что Консервативная революция как «первопроходец» якобы способствовала приходу НСДАП к власти. Наряду с чисто мировоззренческим анализом в исследовании Янке подробно рассматриваются также политические вопросы.

Мировоззрение Юнга комбинировало его универсалистскую антилиберальную философию с конкретными предложениями, касающимися общественных и политических процессов. Это дело его жизни становится ощутимым в его бесчисленных статьях в газетах и журналах, а также в нескольких отдельных работах. В отношении основного произведения Юнга «Господство неполноценных» нужно обратить внимание на то, что первое и второе издание книги существенно отличаются по объему и в определенной мере по содержанию. Насколько близка была его сердцу федералистская идея как основа империи, показывает публикация маленького тома «Федерализм из мировоззрения», который был напечатан в 1931 году. «Объяснение смысла немецкой революции» стало последней публикацией Юнга перед «Марбургской речью» (ср. ниже часть 6.2, а также – для полного дословного текста речи – главу 8). В этих своих поздних работах Юнг предпринимал попытки истолковать национал-социалистическую революцию как переходную стадию к консервативному государству. Очень большое значение для глубокого понимания взглядов Юнга имеет его наследие, которое в настоящее время уже доступно в Баварском государственном главном архиве. После расстрела Юнга его отец Вильгельм Якоб Юнг получил его наследство и упорядочил все бумаги в папках в зависимости от тем. Далее следуют документы, которые хранились в его адвокатском бюро и на его квартире в Берлине, и Гестапо не смогло их конфисковать. Доктор Карл Мартин Грасс заведовал этими документами после смерти отца Юнга. Вышеназванный письменный материал, само собой разумеется, нужно понимать только как представительную выборку. Бесчисленные небольшие статьи, которые появлялись в газетах и журналах, служили главным образом финансовым и пропагандистским целям. По существу они не могут коренным образом открыть новые аспекты относительно вышеназванных работ. Попытка обширной подборки материалов представлена в диссертации Янке.

Нижеследующее исследование занимается преимущественно философски-мировоззренческими основами и определением политической позиции Юнга. Соответствующим образом в первой части работы рассматриваются те авторы и модели, которые оказали особенно большое влияние на творчество Юнга. При этом особенное значение придается тому, чтобы определить роль Юнга в Консервативной революции также при рассмотрении других ее важных представителей.

Во второй части представлен краткий биографический обзор и обзор общих исторических условий. Это необходимо для целостного понимания, так как Юнга можно понять только в специфическом контексте его времени. Ход развития Юнга как политика и публициста исследуется более детально с учетом отношений теории и практики.

За этим следует глубокий анализ самых значительных работ Юнга. Особенное внимание уделяется аспекту христианства и отношению Юнга к национал-социализму. Основная цель исследования – на примере Юнга сделать доступнее феномен Консервативной революции. При этом личность Юнга нужно освещать непредвзято и объективно, чтобы не возникло опасности искажения его общего образа нравоучительными политическими интерпретациями.

2. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

2.1. Ницшеанство Юнга

«Снова боязливый вопрос о смысле всего сущего с мучением вырывается из искаженного от боли немецкого рта. Неужели это немецкая судьба задавать его снова и снова? В уединенности об это разбилось величие некоторых. Последним был Фридрих Ницше. Он был вопиющим в пустыне».

Эдгар Юлиус Юнг, 1927

Влияние работ Фридриха Ницше на «Господство неполноценных» Юнга несомненно. Однако, духовные приверженцы Ницше отнюдь не ограничивались исключительно Консервативной революцией. Скорее из идейного фонда философа черпали самые разные группы. Это можно объяснить тем, что Ницше в различных фазах своей жизни представлял широкий диапазон точек зрения. Так, сторонники Ницше находились, например, и среди «вагнеровцев», и в некоторых социалистических фракциях. Уже эта мировоззренчески трудно понимаемая чересполосица философии Ницше представляет собой определенную параллель с Консервативной революцией. Так же как Ницше едва ли можно анализировать с помощью классической схемы «правые-левые», Консервативная революция тоже требует более многогранной стратегии объяснения.

Многочисленная вторичная литература по этой теме отражает неоднородность материала. Еще при жизни Ницше вспыхнула жесткая борьба за приоритет в истолковании его трудов. Книга Эрнста Нольте «Ницше и ницшеанство» воздает должное широте этих версий на примере его объяснения «Ницше как поле сра-

жения». В конечном счете, внутренний дуализм Ницше как раз и является истоком столь разнообразного восприятия его самого и его работ.

Теперь возникает вопрос, как Юнг прочитал и интерпретировал Ницше. Уже в фазе помрачения разума Ницше (1889-1900) вокруг философа развился необычный культ личности, впечатление о котором может передать посвященная его памяти речь Курта Брайзига:

«Здесь появился претендент на корону короля человечества. Только великие воспитатели нашего рода, о которых рассказывает история религии, только Будда, Заратустра и Иисус хотели такого же великого. [...] Кто решится сказать, как долго продержится огонь, который зажгли руки этого нового светоносца?»

Тенденция превратить Ницше в подобного Христу спасителя и основателя религии становится здесь очевидной. В подобном направлении двигался и план архитектора Генри ван де Вельде и дипломата графа Гарри Кесслера построить храм Ницше, который должен был служить и мемориалом и местом посвящения. Ницшеанство в его самой крайней форме выражения несло вместе с тем неоязыческие черты, вследствие чего приверженец нигилистской философии должен был относиться к христианству, по меньшей мере, с отстраненной сдержанностью. Несколько реалистичнее была интерпретация Эрнста Хорнеффера, который занимался архивом Ницше. Ницше хоть и не смог основать новую религию, но его, тем не менее, нужно понимать как основателя нового более высокого человечества. Учение о равенстве следует в этом смысле рассматривать как враждебное жизни и враждебное человечеству, так как равенство подавило бы высших.

Уже в первом издании «Господства неполноценных» можно найти определенную интерпретацию роли Ницше для универсалистской философии Юнга. Здесь автор утверждает, что отдельная особь пытается преодолеть «противоположность между вечным стремлением и физической смертью». По причине физической бренности это возможно только с помощью «метафизического инстинкта», который один мог бы сохранить от «животного состояния». При этом не имеет значения, развился ли этот «метафизический инстинкт» на философской или религиозной основе. Традиционные христианские традиции теряют, таким образом, свою абсолютную ценность и, по мнению Юнга, представляются сколь угодно сменяемыми. Человек, который отказывается от трансцендентного момента и хочет строить свою жизнь чисто «механистически», предопределен к тому, чтобы опуститься назад на «вегетативный уровень» животного. Для девятнадцатого и двадцатого веков Юнг констатировал большой метафизический дефицит, который не смогла компенсировать также и церковь. Поэтому Ницше предпринял попытку положить конец метафизически опустошенному времени:

«[…] Ницше сделал противоречивую и смелую попытку воспрепятствовать усиливающемуся соскальзыванию человека вниз к вегетативному уровню животного тем, что он со смелой решимостью отрицал метафизический инстинкт, одной чертой устранял сферу веры, чтобы – все же, снова трансцендентно определенного и ведомого – сильно увеличить и возвысить этого земного человека и в какой-то мере заменить им Бога с помощью того, что он сделал самого человека Богом».

Из этого толкования видно, что Юнг не видел в Ницше какого-либо основателя религии. Скорее автор рассматривал «переоценку всех ценностей» в качестве подходящего инструмента, чтобы избавиться от сгнивших остатков религии, чтобы на их обломках сотворить новую метафизическую основу для универсалистской картины мира. Во втором издании «Господства неполноценных» Юнг углубил эти мысли. Согласно ему, Ницше разбил «ставшие пустыми ценности», чтобы подготовить путь абсолютному жизненному инстинкту земного мира. Человек после слома моральных барьеров предопределен для того, чтобы позволить Богу возродиться в «сверхчеловеке». С «переоценкой всех ценностей» силой жизни была бы восстановлена пропавшая связь между «верой и бытием». При этом Юнг видел знаменательное родство между «новыми ценностями» Ницше и первоначальными корнями христианства: создатель разбился о свое творение. Если бы он смог закончить его, то тесное родство его новых ценностей с ценностями христианства стало бы, вероятно, еще отчетливее ему, чем это произошло пророчески. Здесь становится отчетливым определенный разлад автора. Даже если он рассматривал современную форму христианства как «метафизически опустошенную», он, тем не менее, не мог совсем отделиться от трансцендентных традиций Запада. Скорее представляется так, что Юнг хотел узнать почерк истинной жизни в метафизических корнях христианства, который якобы пропал в течение времени. Ницше, таким образом, интерпретируется не как разрушитель Бога, а как тот, кто заново открыл утерянную основную субстанцию христианства.

Ниже мы проверим, насколько существенные параллели можно найти между работами Ницше и основным трудом Юнга.

Особенно характерно для ранних трудов Ницше его восхищение античной Грецией, причем он с музыкой Рихарда Вагнера пророчил ренессанс древнегреческой культуры в немецком духе: «Пусть никто не старается ослабить в нас веру в еще предстоящее возрождение эллинской древности; так как только в ней мы находим нашу надежду на обновление и очищение немецкого духа волшебным огнем музыки». Высокую ценность греческой культуры, по мнению Ницше, обеспечивало существование рабства. По отношению к принципу равенства, который является основным компонентом христианства и марксизма, это пред-

ставление уже означает бесспорный вызов на бой. Основную мысль о том, что «настоящая культура» могла бы развиваться только на почве неравенства, можно найти также у Юнга. В работах Ницше также снова и снова встречается требование уничтожения «неполноценного»: «Второе предложение: создать партию жизни, достаточно сильную для большой политики [...] она непреклонно положит конец всем выродившимся и паразитирующим». Такие места в тексте предлагали Консервативной революции радикальный инструментарий для борьбы с противоположными мировоззрениями. И мысль о том, что нужно поставить аристократическое выше обычного на основе поднятой до идола жизненной философии, красной нитью проходит сквозь «Господство неполноценных». Абсолютный витализм, по мнению Юнга, привел бы к тому, что можно было бы восстановить пропавшее единство духа и власти: «Победа новой жизненности в свою очередь восстановит целостность: она осуществит тот синтез власти и духа, без которого никогда не существовало настоящей культуры. Необходимо развивать волю к власти, без шума, с железной последовательностью». Даже если финальная интерпретация труда всей жизни Ницше едва ли будет возможна, ясно проявляется, что центральные элементы его философии вошли и в творчество Юнга.

Наряду с «волей к власти» и антиэгалитаризмом важным моментом, который разрабатывался в Консервативной революции, была циклическая система мира. Специфическая религиозность Юнга вовсе не исходила из линейного понимания истории, которое является классическим представлением в христианском мире: «Но человеческое совершенствование означает приближение человека к божественному и удаление от варварского. При этом стремление к совершенству остается самоцелью, целью вечной и недостижимой».

«Мировоззренческая система возвращения», которая соответствует циклической философии истории Освальда Шпенглера, является согласно Мёллеру центральным элементом Консервативной революции. При этом постулируемая несовместимость христианства и циклического понимания истории не была принята без критики.

И действительно для Юнга, который требовал «рехристианизации» Запада, возникает противоречивая картина. Попытка объяснения могла бы состоять в том, что христианство Юнга нельзя приравнивать к церковно-библейскому учению, которое пропагандирует линейное понимание истории, а скорее оно должно рассматриваться как метафора трансцендентного мира, который испускает свое излучение на душу человека. Выделение теологических вопросов в «Господстве неполноценных» содержательно подкрепляет этот тезис относительно открытой религиозности, которая, в первую очередь, должна служить метафизическому оформлению основной философской конструкции. Мёллер в первом издании

своего основного произведения оценивал отношения христианства и Консервативной революции как в высшей степени критические. Таким образом, Консервативная революция была якобы несовместима с христианской идеей. Совместное появление обоих понятий нужно объяснить только их общей враждебностью к радикальной идее прогресса. Если бы Консервативная революция однажды пришла к реальной власти, это было бы связано с одновременным отталкиванием христианских элементов. Однако не только противоположность христианской философии истории, которая проводит одну линию от Сотворения мира до Страшного Суда, и циклической системы мира были важными признаками для Мёллера. Христианство сильно зафиксировано на освобождении индивидуума и связано с пацифистским мировоззрением. В представлении Мёллера христианство тем самым было либеральным явлением, и тем самым несовместимым с консерватизмом. Далее западную религию можно охарактеризовать расщеплением мира на земной и потусторонний. Это расщепление имманентно также идее прогресса, с тем только различием, что прогресс боготворил мир земной, в то время как христиане зафиксированы на потустороннем мире. В противоположность этому Консервативная революция не раскалывает, а создает единство из различных полюсов. Юнг умело избежал этого конфликта, уклонившись от более точного определения христианства.

Наблюдатели той эпохи тоже отмечали противоречивый характер христианства в «Господстве неполноценных». Так Юнг жаловался в 1927 году Карлу Хеппу, президенту Имперского земельного союза и члену рейхстага, на одну рецензию его книги, которая показалась ему слишком поверхностной. В этой рецензии Юнга приписали к враждебной христианству среде, против чего он бурно возражал: «Я потому так быстро отвечаю на ваше письмо, что для меня было чудовищно, что я по недоразумению был представлен противником христианской школы, страстным сторонником которой я являюсь в моей книге». Имидж врага церкви в духовной ситуации Веймарской республики нанес бы опустошительный удар по политическому положению Юнга. В этом отношении становится очевидным, что автор должен был создать определенный компромисс между своей новой метафизической конструкцией, к которой он стремился, и существующими церковными традициями. У других читателей, напротив, не было проблем с тем, чтобы стилизовать Юнга к провозвестнику новой христианской империи: «Новая империя, которая представляется вам, будет империей Христа, Царством небесным, о котором мы ежедневно молимся в «Отче наш», и эта империя принесет новое тысячелетие, о котором вы пишете».

2.2. Универсалистское учение Отмара Шпанна

«Только в рамках сословного принципа качество получает достойное его место, только в рамках сословного порядка качество избегает уничтожения».

Георг Вайпперт, 1932

Представления Юнга о «универсализме», «сословии», «товарищеской солидарности» и ступенчатом избирательном праве возникли под явным влиянием философа и политэконома Отмара Шпанна, происходившего из старого венского буржуазного рода. Влияние Шпанна на немецкий контекст было сравнительно небольшим, но как раз среди младоконсерваторов он обладал определенной значимостью. У Юнга мог быть и личный контакт со Шпанном, что следует из письма Юнгу от «Немецкого союза защиты приграничных и зарубежных немцев» от 9 июля 1927 года. В нем Юнгу сообщали, что вызывает беспокойство запланированный доклад Шпанна на десятом студенческом съезде в Вюрцбурге, из-за чего Юнг должен связаться с профессором: «Потому я прошу вас, чтобы вы заранее подробно обсудили с Отмаром Шпанном ваш доклад как тактическую предпосылку а, потом, однако, прежде всего, его доклад». После окончания первого издания своего основного произведения Юнг не преминул отправить один экземпляр книги профессору и написать: «Я позволю себе лично передать вам то же самое, так как я в душе чувствую себя настолько обязанным вам, как мало кому из других видных умов современности. Я убежден, что нас воодушевляет одно и то же желание».

Жизнь и творчество этого первопроходца консервативных идей весьма подробно рассмотрены у Мартина Шнеллера и Клауса-Йорга Зигфрида, поэтому здесь мы можем отказаться от описания богатой спорной литературы. Если монография Шнеллера разрабатывает тематику объективно и относительно нейтрально, то Зигфрид использует образец объяснения, соответствующий традиции «антифашистской» историографии.

Основное произведение Шпанна «Истинное государство», появившееся из его университетских исследований преподавателя высшей школы, служит основным источником для последующей части. Также заслуживающими прочтения и показательными для философии общества книгами этого ученого являются «Основание политической экономии» и «Основные проблемы универсалистского понимания государства», причем в последней работе кратко резюмируются идеи «Настоящего государства».

Следует принципиально признать правоту Зигфрида, когда он констатирует:

«Эта историческая тенденция к уравниванию классовых антагонизмов в австрийской монархии образовала общественную основу для созданной Шпанном конструкции универсально-органического общественного целого». Это постулируемое преодоление классовых противоречий путем создания органической структуры вплоть до современности вызывает у левых историков враждебную позицию к учению Шпанна, так как без примата классовой борьбы марксистские концепции оказываются в тяжелом положении. Сам Шпанн, в отличие от Юнга, тоже почти не принимал участия в ежедневной политической жизни. Его достижением была конструкция замкнутой в себе общественной концепции, которую можно оценить как четкую контрмодель по отношению к марксистскому обществоведению и к западному демократическому либерализму. После того, как марксистское решение общественного и государственного вопроса после 1918 года было предотвращено сотрудничеством демократических партий и военных, концепция спроектированного Шпанном сословного государства была направлена в первую очередь против преобладания экономического. Доминированию капитала, по его мнению, помогла победить демократическая конституция. Но как раз демократия представляла для Шпанна самое большое зло, так как в ней «элита» подавлялась большинством:

«Не то, что хочет случайное или длительное большинство, а то, что понимается компетентными людьми как наилучшее, как истинное, должно господствовать. Однако демократия хочет путем голосования определять правду – это не только неосуществимо, но и преступно, так как посадить это большинство в седло означает сделать так, чтобы низшее господствовало над высшим».

Эта фундаментальная критика политической способности демократии осуществлять отбор проходит также через работы Юнга. Вместе с демократией, которую Шпанн назвал «радикальной, республиканской формой либерализма», он проклинает также общественную основу цивилизации, индивидуализм: «Мы осуждаем [...] индивидуализм как фундаментальное заблуждение, индивидуализм, в конечном счете, делает отдельного человека одиноким и бедным».

Существенный момент в универсалистском представлении о государстве – предпосылка неравенства всех людей, что делало бы необходимым объединение людей в сословия. Сословия между собой должны быть равноправны, причем за государством как «наивысшим сословием» должно признаваться более высокое, координирующее положение. Эта классификация людей по предполагаемым признакам качества совершенно несовместима с принципом равенства, на котором базируются современные демократические системы.

Стремление к полному равенству всех людей было самой большой утопией левого мировоззрения. Смертельная враждебность Консервативной революции по

отношению к этому мышлению требует более близкого рассмотрения. Уже Библия допускает интерпретации, какие требования равенства могут поддерживаться: «Когда Адам копал и Ева пряла, где же там все же был аристократ», поется, например, в известной песне группы «Ландскнехт». Коммунизм при таком рассмотрении был бы возвращением к райской ситуации, вроде той, что царила до грехопадения. Несколько дальше заходит попытка объяснения у Вильгельма Мюльмана, который возлагает ответственность за происхождение революционных движений равенства на возникновение «нативизма» и «хилиазма». Под нативизмом понимают появление движения, которое стремится к возвращению в мистическое доисторическое время; хилиазм ищет свое спасение и благо в конце истории и в достижении утопического конечного состояния в будущем. И на самом деле основным постулатом коммунизма было восстановить райское состояние прошлого (нативизм) и вызвать конец истории мировой революцией (хилиазм). Так как действительность обычно несла гетерогенные черты, то равенству пытались содействовать «воспитательными средствами», что в случае Французской революции привело к кровавым эксцессам (анархия). Якобы анархистская тенденция равенства вела к острой критике со стороны Консервативной революции, в мышлении которой «естественный порядок» получает большое значение. Как должен выглядеть этот порядок, который базировался бы на неоднородности людей, Шпанн подробно описывал в своих работах.

Для так называемого «наивысшего сословия» Шпанн предусматривал отбор «самых способных» людей, которых он обозначал как «воинов» и «чиновников». Для представителей Консервативной революции типично то, что при этом более высокая ценность приписывалась типу воина, так как он должен защищать интересы желаемого идеального государства от зарубежной угрозы. Чиновники, в свою очередь, должны были бы обеспечивать функционирующую внутреннюю политику. Такая внутриполитическая гармоничность была в представлении Шпанна естественным побочным эффектом его идеалистической государственной конструкции.

Корпоративное государство Шпанна можно наглядно представить как пирамиду, в которую «наивысшая ценность образует вершину», а «самая низкая ценность основание». Этой конструкции имманентна негуманная основная идея, ведь она все же ведет к институционализированному повышению и понижению ценности людей. Однако Шпанн претендовал на понятие справедливости для его будущего государства: «Как несущим политическим основным понятием учения единства является свобода, так несущим политическим основным понятием учения целостности является справедливость». Автор здесь считал, что в либеральной общественной модели нет справедливости. При этом, тем не менее, Шпанн не замечал, что как раз принцип правового государства – это высшая гарантия

справедливости, и что как раз либеральные, демократические общества в этой области были особенно прогрессивны. Согласно точке зрения Шпанна иерархическая классификация по предполагаемым способностям – это высшее выражение справедливости. Тем не менее, этот тезис влечет за собой ряд опасностей, так как определение справедливости вкладывается в руки предположительной элиты руководства. Далее исходили из того, что в пределах органического общества по-новому возникающее чувство солидарности должно автоматически породить справедливость.

Влияние Шпанна на Консервативную революцию в Германии нужно оценивать скорее как незначительное, что Вайсман обосновывает отсутствием журнала и теоретической тяжеловесностью универсализма. В этом также ничего не изменяет тот факт, что, например, в кругу вокруг Мёллера ван ден Брука было принято особенно выделять сословия. Все же, эти попытки все больше оставались лишь фразами, нежели серьезно продуманными концепциями. Мёллер в соответствии с этим также отказался от углубления идеи сословий. Мотив сословий служил большинству немецких консерваторов скорее для того, чтобы усилить романтичную ностальгию по средневековью, которую часто следует оценивать только как пропаганду. Было понятно, что в современном промышленном обществе едва ли можно было оживить классификацию по профессиональным сословиям. Последовательной фиксации Юнга на профессионально-сословную идею также поэтому всегда было присуще нечто утопическое. Но даже Юнг был достаточно реалистичен, чтобы в форме так называемого «наивысшего сословия» сконструировать инстанцию, которая представляла для него авторитетный, контролирующий элемент.

Остается констатировать, что идея сословий нашла живое восприятие у многочисленных представителей Консервативной революции, ведь ностальгические ссылки на сословную систему средневековья, все же, наилучшим образом подходили для того, чтобы противопоставить их ненавистному централизму. Тем не менее, было понятно, что без центральной руководящей личности или руководящей группы (наивысшее сословие) достигнутое корпоративное сооружение едва ли можно было бы осуществить.

2.3. Новое средневековье

«Средневековые связи были мощным фундаментом мощных воздействий».

Артур Мёллер ван ден Брук, 1923

У романтичного восхищения средневековьем в Германии была долгая традиция. В 1920-е годы в первую очередь Шпанн в своем обществоведении смог оживить

средневековые элементы для государственно-политического мышления. Русский философ Николай Бердяев своей книгой «Новое средневековье» наряду с трудами Шпанна оказал существенное влияние на основное произведение Юнга. В выступлениях в пользу обращенного в прошлое, положительного взгляда на средневековье всегда можно увидеть также атаку на веру левых и либералов в прогресс. В этом отношении труд Бердяева был провокационным манифестом защитников альтернативного образа жизни, который отрицал линейный ход истории далеко в стороне от господствующего истеблишмента.

Как и Шпенглер, Бердяев видел «ритмичную последовательность эпох», причем современную эпоху он понимал в переходе к «новому типу общества и культуры». Рациональный дух модерна слишком слаб, чтобы остановить наступление «Нового средневековья»: «Духовные принципы современности истощены, духовные силы современности израсходованы. Рациональный день нового времени клонится к концу, его солнце заходит, наступают сумерки, скоро начнется ночь». Как эпоха Возрождения не смогла восстановить античный мир, так и «Новое средневековье» нужно также рассматривать не как неуклюжую копию исторического средневековья, а скорее как «революцию духа». Даже если Бердяев полностью признавал достижение свободы, он видел в индивидуализме «социальную атомизацию» общества. Духовному расщеплению, которое проявилось в политических формах выражения индивидуализма, нужно противопоставить универсализм средневековья, вследствие чего люди снова могли бы собраться в органическую общность. Только так «бессодержательная» свобода индивидуализма могла бы освободиться, чтобы воплотить свободу в рамках «живой» общности. На экономическом уровне вопреки резкой критике капитализма и биржевого дела должно было быть сохранено право на частную собственность. Место накопления капитала и конкурентного мышления должно было занять восстановление мышления, основанного на природе, сельском хозяйстве и кооперации. Национальный принцип в его либеральной интерпретации Бердяев принципиально отвергал как форму выражения «индивидуалистического» образа мыслей: «Но как раз эти формы национализма [...] означают разрушение человечества, его отпадение от любого духовного единства, возвращение от христианского монотеизма к языческому политеизму». Обесценение национализма до побочного продукта либерального мышления стало также у Юнга, самое позднее с выхода второго издания его основного произведения, главным краеугольным камнем его мировоззрения. Вместо национализма должна появиться вера, которая должна наполнить пустоту, оставленную индивидуализмом, чтобы проложить путь для универсалистского взгляда на мир. Эта «рехристианизация» для Бердяева состояла, однако, не в старой церковной системе и стандартизованном теологическом учении о спасении: «Не будет возвращения к старой теократии, к старому гетерономному отношению между церковью и всеми явлениями жизни и творчества. [...] Никакая теология не в со-

стоянии регулировать извне мое понимание и предписывать мне нормы». Итак, религиозность должна была не определяться извне, а органически возникать в разных областях экономики, морали, искусства и государства. Насколько Юнг разделял этот отказ от классических форм выражения христианства, будет рассмотрено в следующих главах.

Бердяев не ограничивался общей философской критикой либеральной модели. Он констатировал, что в «Новом средневековье» политические партии, биржа, газеты и парламент придут к своему закату. Даже если эти антилиберальные представления не особенно оригинальны, работа Бердяева представляет особый случай. Вследствие того, что иностранный автор на уровне, не фиксируемом на Германии, представил принципы младоконсервативного мышления, немецко-консервативное учение смогло освободиться от «мелочного» национализма и принять европейское измерение. На общественном уровне Бердяев предвидел разрушение «старых сословий и классов» и ренессанс профессионально-сословной структуры. Вместо массово-демократического выбора народ в будущем будет оказывать политическое воздействие с помощью самоуправления.

В мышлении Бердяева такие большие мировоззренческие понятия как либерализм, демократия и социализм теряют свою содержательную субстанцию. В «Новом средневековье» нашлось бы место только для Христа или Антихриста – для цельного государства веры или для такой общественной системы, которая находила свое выражение, например, в большевизме.

2.4. Имперская идея

«Империя – это большое и трагическое определение немцев, так как она запрещает им, чтобы они ограничивались государством, и обязывает их к тому, чтобы они в пространстве и в духе хотели единства выше себя самих и не находили его в себе самих. Они с самого начала несут судьбу Европы на своих плечах и раздор Европы в сердце».

Фриц Бюхнер, 1932

Во втором издании «Господства неполноценных» Юнг отошел от своего воинственного национализма, чтобы противопоставить «противостоянию» наций свою объединяющую идею империи.

Хороший обзор разных представлений об империи можно найти в книге Клауса Бройнинга «Видение империи», вышедшей еще в 1969 году. Из современных произведений, которые занимаются этой темой, следует выделить книгу Алоиза

Демпфа, которая вопреки претензии на научность также представляет собой произведение Консервативной революции.

То, что имперская идея получила важную значимость в рамках Консервативной революции, неудивительно, так как империя, в принципе, означает продолжение принципа иерархии на международном уровне. Новые консерваторы, само собой разумеется, были едины относительно ведущего положения Германии в этой иерархии народов.

В рамках Консервативной революции нужно дифференцировать католическое имперское мышление и протестантские имперские идеологии. Для представителей католического имперского мышления так называемая «третья империя» означает «единство христианского Запада под руководством немецкой нации». Описанная в общих чертах католическая империя будущего должна возглавляться Германией, но при этом не должно нарушаться право народов на самоуправление. Также максимальная ширина экспансии империи в рамках европейского Запада должна рассматриваться как относительно умеренная. С помощью обращения к средневековой романтике и повышения метафизического содержания через теологические узы удалось стилизовать имперскую идею до несущей спасение контрмодели по отношению к Веймарскому государству. Как раз когда во время правления последних трех правительств Веймарской республики стали очевидны недостатки Веймарской конституции, такие антирациональные представления обрели сильную поддержку. Бегство от представлявшейся безнадежной реальности в овеянные дыханием трансцендентности миры спасения становится особенно явным в книге Фридриха Хильшера «Империя», в которой империя возвышается до мистической задачи соединенного клятвой исключительного меньшинства. Империя все больше становится метафорой лучшего будущего мира, в котором не будут действовать принципы Французской революции (1789). Протестант Юнг в литературе причисляется к католической имперской идее, что и неудивительно при его духовной близости к Шпанну.

Протестантский вариант развивался параллельно с католической имперской идеей, самым влиятельным его представителем среди младоконсерваторов можно назвать Вильгельма Штапеля. Сам Юнг не поддерживал каких-либо интенсивных контактов с гамбургским кружком вокруг Штапеля, однако, в целом его мнение о нем было положительным:

«Вильгельм Штапель лучший представитель школы Авенариуса и один из наших самых ценных борцов. [...] Однако Штапель каким-то образом относится к старому поколению. Почему, я не могу определить так сразу».

Здесь проявляется, что Юнг рассматривал самого себя как представителя «молодых» и к более старому поколению Консервативной революции относился с определенным скепсисом. Обширной и объективной монографией по этой теме является книга Генриха Кесслера 1967 года, за которой до сих пор не последовали какие-либо существенно лучшие публикации.

Штапель тщательно разбирал теологические вопросы, что достигло апогея в публикации его основного произведения «Христианский государственный деятель». Исходный пункт его имперских амбиций был политического вида и направлен против Веймарской формы правления: «Потому у этой книги есть одно практически-политическое намерение: христианский, консервативный, императорский, верный народу фронт, который приступает к борьбе. Или одним словом, которое обозначает исторический час: антисекулярный фронт». Фундаментальным для хода мысли Штапеля было понятие «номос». Автор обозначал словом «номос» «предписанное Богом естественное строение общности, освященные обычаи, привычки, настроения, оценки народа». Штапель включал в свою идеологию народно-национальные элементы в духе «Фёлькише», но отличался от ориентированных на биологическое понятие расы групп «Фёлькише» тем, что он объяснял различия народов метафизически, а не генетически. Эти духовные внутренние качества («номос») определяли, согласно Штапелю, волю к империи у немецкого народа. Концепция универсальной империи трансформируется в этом протестантском направлении к «Imperium Teutonicum» (тевтонской империи), которой, в противоположность федерально-интегрирующей формы Юнга, присуща ярко выраженная склонность к империализму. Этот империализм узаконил бы самого себя утверждением того, что между народами существуют качественные различия:

«Решение наших восточных проблем просто невозможно с помощью национальной идеологии. Национализм предоставляет нам только право требовать «защиты меньшинств» с целью политического «равноправия», «культурной автономии» и как еще называются эти бессмысленные ответвления «прав человека». Но нам никак не помогает то, что наши «меньшинства», которых терпят в зависимости от настроения, смогут прозябать еще довольно долго. Какая разница, являемся ли мы немецким «меньшинством» или «большинством»? Какой толк от этой глупой статистики? Мы – немцы, все равно как меньшинство или как большинство, и как немцы мы первые. Если бы во всей Польше жили только два немца, то они были бы больше чем миллионы поляков; именно потому, что они – немцы. Положение будет определяться не численностью и массой, а качеством бытия, иначе выражаясь: историей».

Здесь, как и у Юнга, упоминается защита немецких меньшинств в пограничном регионе, чтобы оправдать далеко идущие имперские фантазии. Однако позиция

Штапеля агрессивнее и более презирает людей, чем большинство католических концепций, что проявляется, в частности, в последней главе «Христианского государственного деятеля». Симптоматично, что после 1933 года Штапель вызывал меньшее неудовольствие у новых правителей Германии, чем Юнг, что можно объяснить тем, что существовали параллели между реалистической национал-социалистической внешней политикой по отношению к восточным народам, с одной стороны, и теоретическими соображениями Штапеля, с другой стороны. Тем не менее, после 1933 года империалистический тенор Штапеля умолк. Это следует оценивать не только как пассивное сопротивление против тоталитарных претензий национал-социалистического государственного руководства, а отражает также претензии на элитарность многих представителей Консервативной революции. Так многие консерваторы после национал-социалистического захвата власти ушли в тень, так как теперь националистические идеи стали уже не идеологией сплоченного клятвой меньшинства, а государственной идеологией. Самым знаменитым членом этого направления тут следует назвать Эрнста Юнгера, который после написания своего произведения «Рабочий» ушел из политической публицистики.

Термин «Третья империя» («Третий Рейх») стал популярным отнюдь не только благодаря пропаганде национал-социалистов. Скорее нерв времени затронула своим заголовком «Третий Рейх» одна книга еще 1923 года. Ее автор, Артур Мёллер ван ден Брук, хотел первоначально назвать это произведение «Третья партия», вследствие чего становится очевидным, что Мёллер вовсе не разрабатывал какую-то конкретную имперскую концепцию, а только сформулировал позицию еще одной части целого. Как в случае с «Закатом Европы» Освальда Шпенглера, меткое и богатое содержанием название книги смогло привлечь к книге чрезвычайно большое внимание. «Третья империя» быстро набирала популярность как политическая библия младоконсервативного движения, и Юнга она тоже впечатлила:

«Я назову эту линию консервативно-революционной; она приспособлена к духу времени и, пожалуй, сильнее всего соответствует политическому желанию Мёллера ван ден Брука».

Проблематика Мёллера ван ден Брука достаточно раскрыта в книге Йоахима Швирскотта и в нескольких более новых статьях Штефана Бройера, причем нужно также указать на критическое рассмотрение этой темы в статьях того времени. Наряду с основным произведением для политического мышления Мёллера показательна работа «Право молодых народов». В частности, восточная ориентация автора становится отчетливой в этих статьях.

Как уже упоминалось, в концепции империи у Мёллера отсутствовало конкретное оформление. Определенно установлено, что автор хотел положить конец партийной системе Веймарской республики, чтобы достигнуть подлинного преодоления классовых противоречий. Он обосновывал это констатируемыми им отрицательными воздействиями либерализма: «Это вредный мир воззрений либерализма приносит то выхолащивание, которое распространяет моральную болезнь политических народов и в той же степени, в какой он приходит к своему господству в нации, он портит ее характер». Во внешней политике он пропагандировал сотрудничество с Востоком, причем Германия, само собой разумеется, должна была играть доминирующую роль:

«Наше чувство уже давно приняло решение в пользу России. Если мировая война создала согласие между немцами, то оно состоит в надежде на Россию. Пролетариат смотрит на Россию, так как он ожидает от нее воплощения социализма. Идеология обратилась к стране, в которой высказывались более глубокие, более святые и более необходимые вещи, чем те, которые мы слышали из уст западников, за которыми мы так долго бежали. Немецкая техника, немецкая экономика, немецкая эмиграция, они все рассчитывают на широкие просторы, которые на востоке ждут руки, которая возделает их. И теперь немецкая внешняя политика нашла в себе мужество говорить о доверии, которое есть у нас к России».

Эту внешнеполитическую ориентацию можно объяснить не только разочарованием политики мира Антанты, но она также отражает представление о молодых и старых народах, которое автор позаимствовал у Федора Михайловича Достоевского. Германия и Россия относились соответствующим образом, как понимал Мёллер, к молодым, неистраченным народам, которые еще не утратили свои силы в цивилизации. Здесь можно также найти параллель с Юнгом, который в своем основном произведении провозглашал: «Романтичная Нибелунгова верность преграждала политике Германской империи данное ей судьбой восточное направление немецкой политики, которое должно стать континентальной политикой». Также Юнг видел на Востоке менее израсходованный потенциал и ведущие дальше возможности для антилиберальной государственной политики.

Мёллер просто дал слишком мало конкретных отправных точек о возможном сооружении империи, вследствие чего его имперское видение является в высшей степени неточным, туманным. Однако, вероятно, как раз эта расплывчатость наполнила утопию империи мистическим содержанием и вместе с тем соответствовала антирациональной тенденции того времени.

2.5. Конструкция социального мифа Жоржа Сореля

«У социализма было лишь [...] два единственных оригинальных мыслителя, Карл Маркс и Жорж Сорель, оба они были преисполнены воинственным и, в определенном смысле, консервативным духом».

Бенедетто Кроче, 1932

Метафизическая функционализация военного опыта Юнга в смысле иррациональной мобилизации народных масс находит параллели в конструкции социального мифа Жоржа Сореля. Неизвестно, ссылался ли Юнг в своих размышлениях осознанно на Сореля, но его «теорию социального мифа Юнг, во всяком случае, знал». Этот тезис подпирается двумя доказательствами: Карл Шмитт в своей работе «Духовно-историческое положение сегодняшнего парламентаризма» в главе «Иррационалистические теории непосредственного применения силы» подробно рассматривает проблематику Сореля. Это исследование, в конечном счете, тоже повлияло на основной труд Юнга. Кроме того, Сорель переписывался с итальянским ученым Вильфредо Парето, учение которого об элите рано повлияло на Юнга, в это время студента в Лозанне, и в измененной форме также вошло в «Господство неполноценных». О дружбе между Парето и Сорелем наверняка могло быть известно Юнгу.

Наряду с заново изданным в 1972 году фундаментальным трудом Михаэля Фройнда следует выделить остроумное эссе Мёллера, в котором, в частности, разбирается выходящее за пределы идеологий воздействие Сореля. Приводимое ниже описание опирается как на источник на произведение Жоржа Сореля «Размышления о насилии», которое вышло на немецком языке в 1928 году.

По сравнению с европейской заграницей, причем здесь особенно следует отметить Германию и Италию, степень знакомства с феноменом Сореля в самой Франции была исчезающе малой. Это, вероятно, связано также с тем, что мышление Сореля постоянно менялось, и потому его трудно было причислить к какой-то определенной мировоззренческой категории. Фройнд по этому поводу констатировал, что Сорель «по очереди был консерватором, социалистом, ревизионистом, синдикалистом, националистом и большевиком». Как, однако, можно объяснить, что этот француз смог добиться такой силы воздействия в рамках Консервативной революции, и Мёллер называл его в одном ряду с такими «зуйками» как Фридрих Ницше, Федор Достоевский и Макс Вебер? (Птица зуёк по народному поверью своим пением предвещает дождь. Мёллер использовал это слово для обозначения «великих предупреждающих» среди мыслителей девятнадцатого и двадцатого века, критиковавших путь модерну и либеральной модели.)

Мышление Сореля при всем мировоззренческом экспериментировании содержало также всегда недоброжелательное отношение к либеральной буржуазии, декадансу и политическому классу. Его особенное опасение в отношении духа Просвещения исходило из того, что он умел торпедировать его ядро слева и справа. Его враждебность к либерализму – это основная исходная точка Консервативной революции в Веймарской республике. Непрерывный поиск новых перспектив и недовольство формами выражения политического мышления его времени сделали Сореля провозвестником нового взгляда на мир, который нужно искать по ту сторону схемы «правые – левые». Отказ Сореля принять монокаузальный способ объяснения мира, сблизил его с номинализмом, который Мёллер особо подчеркнул как один из главных признаков младоконсервативного мышления. Вероятно, ярко выраженный атеизм Сореля удерживал Юнга от того, чтобы прямо ссылаться на французского философа.

Сорель правильно понял, что мифы могут развивать всю свою силу воздействия именно в религиозной области:

«Первые христиане ожидали на конец первого поколения возвращения Христа и полной гибели языческого мира, а также одновременного создания Царства святых. Катастрофа не произошла; но христианское мышление получило из апокалипсического мифа такую прибыль, что некоторые ученые современности хотели бы представить вещи таким образом, как будто бы вся проповедь Иисуса распространялась только на эту тему».

Мифический, непознаваемый научным путем момент религии – это действительно тот решающий пункт, который может вызвать как истинную веру, так и религиозный фанатизм. Достижение Сореля состояло в том, что он перенес мобилизующие силы религиозного мифа на социальные области. На примере всеобщей забастовки автор так разъяснял это перемещение:

«Не имеет большого значения, представляет ли всеобщая забастовка частичную действительность, или она лишь плод народной фантазии. Весь вопрос скорее состоит только в том, содержит ли эта всеобщая забастовка правильным образом в себе все то, чего ожидает социалистическое учение от революционного пролетариата».

Здесь Сорель раскрыл свою направленную против Просвещения сторону, так как он связал конкретные социальные постановки задач с иррациональными элементами. И все дело тут не в степени соответствия истине, а лишь в политической функциональности. Сорель, однако, открыто признавал это положение дел, что не было принято в Консервативной революции в такой форме. Это логично в этом отношении, так как открытое разоблачение мифа должно было бы

лишить этот миф его чар. От случая к случаю степень применения истинной веры или целенаправленной функционализации различалась, но как раз в случае такого относительно ориентированного на реальную политику деятеля как Юнг нужно исходить из того, что он понимал, по меньшей мере, манипулирующую силу учения о мифе.

Юнг стилизовал пережитое на войне в миф фронтовиков, который можно только прочувствовать и прожить, но нельзя выучить. Новый порядок, к которому он стремился, должен был осуществляться носителями военного опыта, что означало бы, в принципе, создание гражданского общества с военными добродетелями и идеалами. Этот ход мысли наиболее последовательно был интегрирован Эрнстом Юнгером в его мировоззрение; здесь все сходилось к тоталитарному государству рабочих, которое, по мнению Юнгера, должно было осуществляться носителями духа фронтовиков. Вместе с военным опытом имперское видение было у Юнга самым большим, основывающим единство мифом. Наряду с действительно подробным описанием государственной конструкции в основном произведении Юнга империя будущего всегда остается на окруженном тайнами заднем плане. Юнг отказался от создания социального мифа и связал таинственную империю будущего с религиозными элементами: «Так как новые представления о Царстве Божьем на земле порождают также земные царства». С помощью этой метафизической фиксации имперской идеи Юнг создал необходимую связку, которая, в конечном счете, удерживала его систему мира, согласно идее Сореля о мифе. Историческую средневековую империю нельзя было представить без определяющего влияния христианства. Насколько христианство было лишь использовано им как инструмент для укрепления имперского мифа, или же Юнг был, все же, действительно вдохновлен «истинной верой» в традиции западного учения о спасении, будет в центре внимания дальнейшего анализа.

2.6. Леопольд Циглер

«Все мои действия происходят перед лицом моего народа. Я живу не только во мне самом, но в цепи родов и в борьбе народа. Я нравственно связан верностью по отношению к нашим предкам и заботой о наших потомках».

Вильгельм Штапель, 1922

Известный философ Леопольд Циглер не только был личным другом Юнга, но существовало также взаимное мировоззренческое влияние обоих авторов. Особенные отношения, которые эти два человека создали между собой, можно обосновать тем, что Циглер, несмотря на свою духовную близость к Юнгу, со-

хранял свой самостоятельный писательский профиль и в личных беседах действовал в качестве важного советчика.

В маленькой работе, которую Циглер опубликовал к двадцатому дню со смерти Юнга, он констатировал: «Я пытался при этом сплавить самые важные результаты исследований Юнга с главными итогами моих собственных исследований, как они были изображены в «Священной империи немцев» и «Между человеком и экономикой»». Дальше Циглер писал:

«Это было легче сказать, чем сделать. Восстановление, за которое выступал Юнг, нашло свое выражение в объемном и основательном кодексе, справиться с которым всерьез смогли бы, к сожалению, только очень немногие немцы. Чтобы быстрее отобразить это в то не терпящее отлагательств время, самое существенное должно было быть сконцентрировано пусть не в легком, но все-таки легче обозримом ряду тезисов. Из нетерпеливого желания осуществить это в те наполовину уже отчаявшиеся, наполовину еще открытые недели появились «Двадцать пять тезисов о немецком государстве».

Помимо этих политически мотивированных книг Циглер опубликовал еще многочисленные философские труды, перечисление которых вышло бы за рамки этой работы. Жизнь и творчество этого философа достаточно подробно представлены в его биографии, написанной Мартой Шнайдер-Фассбэндер.

В «Двадцати пяти тезисах» Циглер пытался исторически обосновать немецкое будущее государство, к которому следовало стремиться. Так как только то, что выросло естественным способом, подходит для органической государственной конструкции. Чтобы доказать это, автор возвращался назад в историю вплоть до времен германских родовых союзов, когда еще господствовали настоящие первичные выборы. Однако эта самая первоначальная форма демократии была возможна только в обозримых рамках, когда люди могли лично знать тех, кого выбирают. В средневековье, когда пространства владений увеличились, эта непосредственная форма выборов больше не была возможна, из-за чего голосования простирались только лишь на соответственно более высокий, локально обозримый уровень иерархии:

«Первичные выборы как непосредственный акт поднятия щита народом продолжились в ряду опосредованных актов. И это развитие было как разумным, так и неудержимым. [...] Самое разумное следствие, уже упомянутое выше, это то, что действие первичного выбора остается за местными общими сборами, а выходящему из них органу власти затем доверяется выбор ближайших вышестоящих».

Эта конструкция управления, которая от основания до вершины характеризовалась бы выбором «снизу вверх», однако, не могла отказаться от выбора «сверху вниз»:

«В действительности выбранный средний уровень управления также не может отказаться от назначенного чиновника, который направляет государственную волю вниз и в особенности гарантирует исполнение законов». В конечном счете, в городах сформировалась демократически обусловленная сословная система, а в сферах власти аристократии характеризующаяся авторитетом власти ленная система. Свести вместе оба эти элемента было задачей империи, которая, тем не менее, потерпела в этом неудачу:

«Со времени расцвета городов наивысшим заданием империи было примирить здесь архическую и демократическую системы и «органически» включить обе в стягивающий всю конструкцию воедино средний уровень управления. Нашим особенным немецким роком стало то, что Священная империя не справилась с этой задачей».

Северную Америку Циглер называл «самым лишенным истории пространством земли». Только одна эта историческая пустота позволила формирование такой формы демократии, единственной целью которой было сохранение прав человека. У этого вида демократии для Циглера была меньшая ценность, чем у исторически выросшей формы выражения, так как она ставила индивидуума выше общности и тем самым противоречила идеалу универсализма. В проникновении этого неисторического демократического варианта в европейское пространство Циглер обвинял Францию, которая своей революцией 1789 года прервала естественный ход истории. Партии развились сначала только из этой западной демократической модели. Циглер оценивал партийную систему однозначно отрицательно. Эта отвергающая партийную систему позиция являлась важным объединяющим элементом для всех групп в Консервативной революции. Уже Мёллер ван ден Брук в 1923 году поставил себе основную задачу создать принципиальную критику партий, из-за чего он резко критиковал лежащие в основе партийной системы мировоззрения: «Остается только разрушить партии со стороны мировоззрения». Подход Циглера был несколько другим. Он обвинил партии в отсутствии исторических традиций и таким образом заклеймил их как «ненемецкие». Сверх того, Циглер осуждал партии за то, что во время выборного процесса партий не преобладал какой-либо настоящий демократический принцип, так как между избирателем и избранным не существовало никакой непосредственной связи: «За закрытыми дверями определяется, кто может появиться перед народом как личность, которую можно избрать, и смотрят на избирателя, как он довольствуется этим». На экономическом уровне Циглер исходил из того, что принцип свободы перемещения западной демократической

формы повлек за собой подвижность капитала, эффект от которой был деструктивным и эксплуатирующим. В этой связи автор обращался к еврейскому вопросу, причем он исходил из функции евреев, как контролирующих капитал: «На самом деле отныне существует только один вид «мирового господства» евреев, что больше не требует доказательств для каждого понимающего человека в области подвижных денег, оптовой торговли, крупного предпринимательства и не в последнюю очередь «интеллигенции»».

Это, по его мнению, стало причиной того, что из первоначально опирающейся на религию враждебности к евреям развилась экономическая конкурентная борьба между «изначальными» европейцами и евреями. Из этого противостояния развился расовый антисемитизм, который Циглер в основном отвергал. Решение «проблемы» Циглер видел в отказе от биржевого капитализма в его международном исполнении:

«Эту ненависть превратившиеся в кочевников народы Запада не смогут преодолеть никаким другим способом, кроме как если они сами однажды снова прекратят быть кочевниками. Лишь тот европеец, который снова найдет свои корни, – у американцев и без того никаких корней нет – больше не должен будет бояться биологического превосходства евреев и потому больше не будет также ненавидеть их самих».

Так же, как и против капитализма, автор со всей резкостью выступал против марксизма, так как он был, на его взгляд, не менее лишен лица, чем либеральное общественное устройство. Циглер ни в коем случае не видел путь к этому в радикальном свержении, к которому стремились коммунисты, а также несколько национальных революционеров: «Так что совершенно не нужно насильственно разбивать сверхбогатство, а наоборот надо тщательно уменьшать его, разбирая камень за камнем и позицию за позицией до тех пор, пока задушенный им народ снова получит свободное дыхание». В отношении этого консервативного преобразования Циглер разработал конкретные представления. Так он видел в еще существующих профессионально-ориентированных организационных формах точки соприкосновения со средневековой системой сословий, которая представлялась ему немецкой идеальной формой общественной структуры:

«Необычайно большой заслугой Эдгара Юнга было его указание на эти корпорации. [...] Если оглянуться назад, то это остатки сословной структуры, и они находятся под большой угрозой быстрого разложения благодаря партийной системе. Но если посмотреть вперед, то это единственные реальные предпосылки, на которые может и потому должно опереться корпоративное государство с исторической точки зрения».

Из этих корпораций нужно выбрать представителей, которые как целостность должны будут образовывать иерархически вышестоящий орган власти. В обязанность этому органу власти вменялось выбрать соответственно более высокую ступень, что должно было продолжаться тем же самым способом вплоть до вершины правления. Наивысшую корпорацию Циглер хотел назвать «рейхстагом», не поддерживая, однако, при этом классический метод работы этого учреждения. Этот рейхстаг должен члениться на «комитеты» по всем важным политическим сферам. Из них нужно выбрать так называемых «уполномоченных», которые должны взять в свои руки наивысшие государственные дела наряду с канцлером и главой государства. Помимо этой системы правления Циглер представлял три равноправных органа власти, заданием которых должно было оформлять «экономическое, техническое и духовное» в соответствии с органически-сословным будущим государством. При этом желаемое подавление либеральных «пороков» в этих областях должно было осуществляться сильнее всего в технической сфере. Почти уже пророчески Циглер отмечал:

«По осторожной оценке криминалиста Хайндля в Германии живут примерно восемь с половиной тысяч профессиональных преступников, которые не остановятся ни перед каким преступлением и ожидают с нетерпением своего часа и, кроме того, уже частично получают свое профессиональное образование в настоящих школах для преступников. Только представьте себе, что будет, если хотя бы некоторые из них проникнут в лаборатории, где освобождаются основные атомные силы протонов и электронов».

Замечательное для 1931 года высказывание. Циглеру удалось в своих «Двадцати пяти тезисах» спроектировать исторически обоснованное идеальное государство, реализация которого при благоприятных обстоятельствах в отличие от имперских утопий вполне имела бы шансы на успех. Насколько реально существующее сословное государство действительно дало бы ожидаемый толчок к демократизации, трудно судить с сегодняшней точки зрения. Но не подлежит сомнению, что и корпоративное государство тоже не было бы неуязвимым перед коррупцией и злоупотреблением служебным положением со стороны жаждущих власти клик.

Трехтомная книга «Священная империя немцев» была написана с целью дать опору якобы потерявшему ориентацию, особенно после Первой мировой войны, немецкому народу. Соответствующим образом во вступлении к этому произведению говорится: «Мы, немцы, являемся народом искателей и странников посреди на первый взгляд устойчивого положения давно ставшего оседлым континента – неготовое, сырое, невзрослое существование среди столь многих готовых, усмиренных и взрослых!»

Первая книга, «Странник», занимается ранними германскими племенами, которые неутомимо двигались по Европе. В своих захватнических походах они в Италии познакомились с римской идеей «империи», которая полностью захватила их мышление. Из идеи «империи» развилась Германская империя. Циглер представляет здесь историческую хронологию средневековья, в которой особо подчеркиваются авторитетные правители и иерархическая структура общества. Эту часть нужно рассматривать не только как историческое описание, а как историческую основу идеологии, которая предлагается в «Двадцати пяти тезисах». Как раз акцент на личностях средневековых властителей, таких как, например, Карл Великий или Генрих III должен был дать читателю надежду в те времена, когда вряд ли можно было даже подумать о наступательной немецкой внешней политике. Сверх того, положительный взгляд на средневековье был пригоден для содействия имперскому мифу, что было достаточно значительно для мировоззрения Юнга.

3. ЭТАПЫ БИОГРАФИИ

3.1. Родной дом и война

«1914 был священным годом. Так как народ немцев стал в нем общностью. [...] Сегодня нас называют обманутым народом, но обман закончится только тогда, когда мы вновь вернемся к тому великому пережитому нами опыту оплаченной кровью общности судьбы, когда мы начали войну».

Веннер Виртс, 1922

Для лучшего понимания мировоззрения Юнга представляется необходимым привести очерк его биографии. Краткий обзор дают «Биографические заметки об Эдгаре Юлиусе Юнге», которые хранятся в его архиве.

Юнг родился 6 марта 1894 года в Людвигсхафене в семье учителя гимназии и музыкального педагога. Можно исходить из того, что на этой фазе был заложен фундамент эстетического чутья и незаурядного интеллекта Юнга. После получения аттестата зрелости в классической гимназии Юнг приступил к изучению юриспруденции, во время которого у него также возникли мысли о неоднородности общества, которым суждено было занять важное место в его более поздних работах. Как и многие его одногодки, студент Юнг после начала Первой мировой войны ушел на фронт добровольцем и воевал на Западном фронте. К сожалению, об этом времени известно относительно немного деталей, однако, его повышение в звании до лейтенанта резерва, а позже обучение на летчика боевого самолета показывают, что Юнг проявил немало храбрости в боях ради желанной военной победы Германской империи. Идентификация с войной самой

по себе была выражена у Юнга меньше чем, например, у Эрнста Юнгера. Если Юнгер в своем опубликованном военном дневнике «В стальных грозах», а также в более поздних политических работах строил свое мировоззрение вокруг пережитого им во время мировой войны, то Юнг уделял основное внимание поддержке немецких военных целей и неприятию идей противников войны. После окончания войны это нашло яркое выражение в политической активности Юнга.

3.2. Возвращение в мирную жизнь и политическая деятельность

«Наше время все настоятельнее подталкивает нас к убеждению, что, хотя пушки больше не направлены друг против друга, большая война все еще не закончилась».

Эрнст Юнгер, 1925

После окончания мировой войны Юнг продолжил учебу, которую он закончил в 1920 году, получив степень доктора права. Когда он поступил на работу в адвокатскую контору в Цвайбрюккене, а затем женился, казалось, что его возвращение к мирной жизни удалось. О высоком уровне личной убежденности свидетельствует то, что Юнг вопреки своему достаточно обеспеченному положению решил принять участие в амбициозной националистической борьбе. Так еще в 1919 году он вместе с отцом и братом вступил в Немецкую народную партию Пфальца (DVPP) и приступил к политической работе. Благодаря своим риторическим и организационным талантам он быстро поднялся до вершины руководства партии и был особенно активен в работе с молодежью. Как уже упоминалось, основная область деятельности Юнга касалась конкретных национально-политических вопросов. Потому понятно, почему оккупация французами Рурской области в 1923 году стала для Юнга поводом перейти в активное национальное сопротивление. В 1923 году он вместе с единомышленниками основал Рейнско-пфальцский боевой союз, целью которого была борьба с введенным французами осадным положением. После окончания пассивного сопротивления в Рурской области сепаратистские стремления в Рейнланде достигли апогея. Юнг, пламенный сторонник имперского единства, не мог не сопротивляться таким сепаратистским планам. 9 января 1924 года даже произошло нападение группы боевиков во главе с Юнгом, в результате которого был застрелен вождь сепаратистов Франц Йозеф Хайнц – также известный как Хайнц-Орбис. Во время этой акции двое из участников боевой группы тоже были смертельно ранены, а сам Юнг получил касательное ранение в шею. Этот поступок, выходящий за любые рамки как с юридической, так и с моральной точки зрения, показывает, насколько Юнг уже в то время был преисполнен национально-революционными идеями. В пределах Консервативной революции практически

не было сравнимого поступка, и даже Юнгер, который постоянно призывал «взорвать буржуазию», после Первой мировой войны так никогда и не смог подняться выше уровня фраз. В газете «Мюнхенер нойестен нахрихтен» от 23 ноября 1930 года Юнг опубликовал большую статью, которая детально рассказывала о расстреле Хайнца-Орбиса. Именно в Пфальце эта статья вызвала весьма положительный резонанс, из-за чего ее перепечатали в разных газетах. «Зюдпфальцер Тагеблатт», например, назвал участие Юнга в покушении «грандиозным патриотическим деянием».

Внешние условия, которые в послевоенное время затрудняли общественную интеграцию возвратившихся домой фронтовиков и общую идентификацию с Веймарской конституцией, требуют более детального рассмотрения. После того, как бремя войны в 1918 году достигло уже казавшихся невыносимыми масштабов и едва ли могло компенсироваться из-за недостаточной военной пропаганды Главного командования сухопутных войск (OHL), по всей Германии распространилось движение революционного восстания. OHL быстро поняло серьезность положения, что привело 11 ноября 1918 года к подписанию перемирия делегацией во главе с политиком-центристом Матиасом Эрцбергером. Этим искусным шахматным ходом консервативной руководящей элите удалось символически переложить ответственность за военное поражение на демократические партии. Потому выборы в Национальное собрание 19 января 1919 года оказались под несчастливой звездой. Даже если широким слоям населения именно СДПГ обещала социальные улучшения, у общества все же отсутствовало глубокое одобрение Веймарской республики. Скорее страх перед вступлением союзников и «большевистской опасностью» привел к динамике, благодаря которой основание республики только и оказалось возможным. Особенно жесткие для Германии условия Версальского договора, в подписании которого обвиняли демократические движения, привели к дальнейшей нагрузке на молодую политическую систему. После того, как позиции политических фронтов в некоторой степени укрепились, появилось все больше защитников государственного восстановления, которые не хотели принимать в качестве мировоззренческой основы «ни Ленина, ни Вильсона». Это духовное течение решительно выступило против идеологических предложений и Запада, и Востока, не впадая при этом в ностальгию по эпохе императора Вильгельма II, и не рассчитывало на что-то хорошее от Веймарской республики. Книга Томаса Манна «Размышления аполитичного» представляет первое выдающееся программное произведение Консервативной революции в этом контексте. Даже если Манн впоследствии дистанцировался от своей критической по отношению к демократии точки зрения, уже был заложен фундамент для духовного и организационного оформления «Третьего пути». Уже в 1919 году Эдуард Штадтлер, который до тех пор был известен преимущественно антибольшевистской пропагандой, возглавил журнал «Дас Гевиссен» («Совесть»). Этот журнал стал основным публицистическим ор-

ганом основанного в том же году легендарного «Июньского клуба», который вскоре возглавили Генрих фон Гляйхен и Артур Мёллер ван ден Брук. В этом окружении смогло сформироваться духовно-политическое идейное направление младоконсерватизма, которое можно считать самой влиятельной подгруппой Консервативной революции. С появлением в 1923 году главного труда Мёллера ван ден Брука «Третья империя» этот мировоззренческий эволюционный процесс пришел к временному апогею. С вытеснением ориентированного на «молодой национализм» Штадтлера и с основанием «Немецкого клуба господ» в 1924 году произошло определенное изменение парадигм внутри «Движения Кольца». Вместо стратегии, которая включала «массы», ставку сделали на элитарную организацию, которая должна была оказывать влияние «сверху». «Старики» вокруг Генриха фон Гляйхена победили таким образом националистически-динамичные силы. Также не удивительно, что сам Штадтлер симпатизировал национал-социалистам, ведь они проявляли ту самую революционно-деятельную динамику, которая отсутствовала у младоконсерваторов. Юнг как представитель этого молодого поколения тоже стремился к тому, чтобы поставить действие выше слов. Но в отличие от Штадтлера у Юнга уже рано возникла антипатия к личности Адольфа Гитлера, а его движение он рассматривал как примитивное, так что представление Юнга об объединенном национальном движении никогда не включало в него национал-социалистов. С этой формой элитарного народного движения Юнг занимал что-то вроде промежуточного положения между общественно изолированным «Немецким клубом господ» и национал-социалистическим движением, которое хотело завоевать массы. В этом контексте нужно также рассматривать раннюю политическую активность Юнга в DVPP. Перемен нужно было добиваться не только отдельными революционными действиями одиночек, но на базе партии, укорененной в широком населении. Но за этим молодежным задором вскоре последовало понимание того, что без созревшего в духовном плане мировоззрения нельзя осуществлять какую-либо политику. При этом у Юнга было то преимущество, что он мог опереться на более ранние идейные разработки более старых младоконсерваторов, чтобы сформировать на этой основе свое очень своеобразное понимание младоконсерватизма.

Отношение Юнга к фон Гляйхену на самом деле всегда оставалось отстраненным. В одном письме Юнг жаловался, что фон Гляйхен в одной рецензии на его книгу не воздал должное его основному труду:

«Теперь следуют возражения, не только от вас, глубокоуважаемый господин фон Гляйхен, а с религиозно-консервативной стороны, что моя книга якобы требует преодоления рационализма, пользуясь при этом рационалистическими методами». Юнг защищал свою рациональную отправную точку тем, что только таким способом можно было привести философские основы в «логичную форму

закона». 21 августа 1928 года Юнг поставил в известность председателя «Клуба господ» о том, что термин «Новый фронт» был использован им еще раньше в статье для газет промышленности Рурской области. Даже если до открытого конфликта между этими обоими младоконсервативными руководителями так и не дошло, отчетливо видно, что существовало определенное скрытое соперничество между северными и южными немцами. В этом ничего не могло изменить также тактическое предложение «Кольца» 26 июня 1929 года, которое предусматривало обмен информацией. Сверх того, дошло также до личной встречи обоих главных действующих лиц, результат которой оказался совершенно неудовлетворительным для обоих.

3.3. Новое положение консервативного публициста

«Так из сначала молодого преступника появился буржуазный адвокат, который теперь подготавливает революцию пока литературными средствами».

Бернхард Йеншке, 1971

Относительная стабилизация ситуации в Веймарской республике с 1923 года и, вероятно, также осознание того, что отдельными действиями одиночки нельзя создать фундамент для государственной политики, все больше подталкивали Юнга к публицистической деятельности. Так газета «Мюнхенер Нойестен Нахрихтен», уже начиная с 1923 года, предоставила ему платформу для критического рассмотрения вопросов текущей политики. В последующее время Юнг развил оживленную деятельность в разных консервативных объединениях, причем федералистская имперская идея все больше вытесняла национализм начального периода. Как председатель Имперского блока в Баварии он действовал в качестве руководителя выборов рейхспрезидента. С 1927 года ему представилась возможность познакомить со своими идеями широкий круг читателей с помощью «Дойче Рундшау» Рудольфа Пехеля. На это время приходится также публикация националистически ориентированного первого издания «Господства неполноценных», которое в кругах консервативной читательской аудитории быстро добилось статуса, подобного, например, «Третьей империи» Мёллера ван ден Брука. Вторым, национально-федералистски ориентированным изданием 1929 года Консервативная революция впервые смогла предъявить обширное мировоззренческое произведение, в котором были очерчены как философские основы, так и конкретный облик желанной новой империи.

«Полуполитическая» работа Юнга, которая состояла в том, чтобы с помощью докладов, публикаций и поиска союзников создавать и расширять надпартийный «Новый фронт», вряд ли была бы возможна в этом виде без финансовой помощи извне. При этом нужно особо отметить, с одной стороны, генерального

директора металлургического завода «Гутехоффнунгсхютте» и бывшего члена Всегерманского союза Пауля Ройша, а, с другой стороны, доктора Эрнста Бранди, отвечавшего за объединение заводских газет промышленности Рурской области. Несмотря на эту материальную помощь Юнг вынужден был продолжать работать адвокатом, чтобы обеспечить себе достаточные средства к существованию. Особенно во время написания им второй редакции своего основного произведения Юнг из-за огромной нагрузки оказался уже на пределе своих физических сил. Юнг вполне мог бы вести удобную жизнь как неполитический адвокат или как депутат рейхстага, но он решил выбрать куда более трудный путь в предполитической сфере. Это зашло настолько далеко, что Юнг больше не смог сделать свой ежегодный взнос Немецко-австрийской рабочей группе и поэтому вынужден был оставить ее. Только его связи с промышленностью позволили Юнгу продолжить борьбу против «пролетаризации духа» с целью создания «новой империи». В соответствии с этим он должен был с особенной тщательностью писать экономическую часть своей книги, ведь он не хотел рассердить своих спонсоров. Соответствующим образом он 21 декабря 1929 года смиренно написал письмо Ройшу, к которому были приложены три экземпляра его только что изданного произведения:

«Вы в свое время оказали мне большую услугу, подтолкнув меня к обсуждению экономических вопросов. При чтении экономического раздела вы увидите, что я с благодарностью воспринял эти стимулы и воспользовался ими. Вы вообще заметите, что экономическая часть книги – это одно сплошное обвинение против коллективизма, против нерентабельности, ошибочной социальной политики и смертельной финансовой политики».

Однако это не значит, что Юнг писал экономико-политическую часть вопреки своим личным убеждениям. Скорее он пытался особенно акцентировать и так имеющиеся в книге дружественные к экономике места. Друзья-промышленники Юнга наряду с непосредственным содействием его большому программному труду открыли ему еще и другие источники денежных поступлений. Так главная редакция газеты «Райниш-Вестфэлише Цайтунг» связалась с Юнгом и написала ему, что она обратила на него внимание благодаря совету доктора Бранди. Впоследствии Юнг смог публиковать в вышеназванной газете статьи под выбранным им самим псевдонимом «Тюлль». При этом Юнг отказался писать о текущих событиях, вследствие чего он смог оставаться верным своему метаполитическому основному принципу. В целом отношения его с «Райниш-Вестфэлише Цайтунг» были первоначально в высшей степени формальными и ограничивались чисто материальным аспектом:

«В настоящее время мои статьи оплачиваются в среднем (я прошу обращаться с этой информацией конфиденциально) гонораром в 150 рейхсмарок. Поэтому я

позволю себе (вне зависимости от числа статей, по меньшей мере, однако, на каждое воскресенье) просить о паушальном гонораре в 600 рейхсмарок в месяц».

Юнг из-за своего добровольного отказа от государственных и партийных постов и должностей был вынужден в трудной кропотливой работе связывать свое политическое призвание и борьбу за свой хлеб насущный, что, впрочем, удавалось ему сравнительно хорошо. Отношения Юнга с редактором «Райниш-Вестфэлише Цайтунг» господином Мюндлером за последующие годы приобрели более дружескую основу, из чего последовала интересная переписка (ср. часть 3.4 ниже).

Также с помощью Бранди для него открылся еще один прибыльный источник денег. Так Бранди утвердил, что статьи Юнга регулярно должны были появляться в его заводской газете, читателями которой были 25 000 рабочих. Сверх того, Бранди хотел ходатайствовать перед своими коллегами за то, чтобы они тоже брали статьи Юнга в свои заводские газеты. В этом случае Юнгу не пришлось дальше заботиться об уплате, потому что его покровитель по собственному почину уделял большое внимание распространению взглядов Юнга.

3.4. Сопротивление национал-социализму

«Формально носителей «Консервативной революции» на том переломном рубеже можно назвать «троцкистами национал-социализма»».

Армин Мёллер, 1950

Уже во время восстания в Руре у Юнга возник конфликт с Гитлером, так как Гитлер отказался отправить национал-социалистов для борьбы с французами. В ходе продолжающегося формирования своего мировоззрения Юнг в дальнейшем осознал, что между национал-социалистическим государством вождя и его федералистско-сословной имперской программой существовали непреодолимые различия. Когда и передача советов через Франца фон Папена не принесла никаких плодов, произошла радикализация Юнга. Он всерьез подумывал о том, чтобы лично совершить покушение на Гитлера:

«В конце апреля или в начале мая я встретил Юнга на его квартире в Халензее, когда он как раз приехал из Кайзерхофа. Он говорил в своей иногда бормочущей манере, в которой он обычно произносил свои самые важные намерения:

«Сегодня я сразу смог бы сделать это». Я не понял и поэтому спросил: «Что сделать?» Ответ был: «Ну, застрелить Гитлера». [...] В душе его грызли сомне-

ния о том, смог ли бы он достичь своей цели только при помощи выступления с речью фон Папена».

Марбургская речь, о которой тут говорится, направленная против тоталитарных претензий национал-социалистического правительства, действительно ничего не смогла изменить в продолжающейся унификации. Но борьба Юнга против тоталитаризма не должна скрывать от нас то, что сам Юнг желал консервативно-авторитарного государства, которое не должно было иметь совсем ничего общего с либерально-демократическими системами. Так он писал в 1929 году главному редактору Мюндлеру:

«Что касается моего отношения к фашизму, то я могу конфиденциально сообщить вам, что вся моя политическая цель жизни направлена на создание диктатуры. Я только предостерегаю от диктатуры без содержания, которую не смог бы вынести немецкий народ. [...] Если я предостерегаю от завышенной оценки фашизма, то это происходит только для того, чтобы несколько смягчить лишенное духа одобрение политики силы, как ее снова и снова требуют в наших национальных кругах, и которая снова и снова заканчивается неудачей».

Юнг хотел построить общество, которое было бы структурировано в соответствии с мировоззренческими предпосылками универсализма. Однако это должно было происходить не путем унификации и мировоззренческой индоктринации народа, как при национал-социализме или коммунизме, а достигаться через добровольное принятие идеи органической общности. С учетом «грязной» реальной политики это было философски-идеалистическим основанием, которое справедливо можно охарактеризовать определенной склонностью к утопии. Тем не менее, сам Юнг воспринимал свою «миссию» абсолютно серьезно, и его никогда нельзя было отговорить от того, чтобы он шел своим путем, несмотря на многочисленные неудачи. Антропологически Юнг исходил из того, что, по меньшей мере, малочисленная руководящая аристократия должна быть в состоянии подняться над мирскими материалистическими аспектами, чтобы вызвать новую духовную эру. Это было, вероятно, самым большим принципиальным заблуждением Юнга, так как он чрезмерно переоценивал «доброе» в человеке, которое должно было осуществляться, по меньшей мере, в кругу «высококачественных».

Еще перед первыми большими победами на выборах Юнг непрерывно старался коренным образом критиковать идеологию национал-социализма. Так он писал писателю Эриху фон Харцу, что «синтез буржуазии и рабочего класса через национал-социализм – это чистая сказка». Он, мол, и сам уже подумывал о том, чтобы присоединиться к национал-социалистам, но это движение не могло бы предложить ничего большего, чем радикализацию буржуазии. Относительно

Гитлера Юнг констатировал, что в высшей степени рискованно приравнивать выдающегося оратора к творческому государственному деятелю. Скорее «национал-социализм в его сегодняшней форме застрял в либеральной эпохе». Эту аргументацию Юнг продолжил развивать в 1933 году в своей работе «Объяснение смысла немецкой революции». Также в публичном пространстве – под псевдонимом «Тюлль» в «Райниш-Вестфэлише Цайтунг» – Юнг не скрывал своего мнения, так что у Мюндлера возникло беспокойство, что национал-социалистические читатели будут отпугнуты от газеты этим провокационным стилем, в результате чего на них больше нельзя было бы оказывать влияние.

Достаточно далеко от реальности Мюндлер, в конечном счете, так высказался в дальнейшей переписке с Юнгом: «Вся наша забота должна, по-моему, быть направлена на то, чтобы дать теперь национал-социалистическому движению истинное руководство; так как это вряд ли возможно изнутри, то это должно произойти извне».

Само собой разумеется, что в фазе относительной стабильности (1924-1929) для Юнга едва ли было возможно помимо его публицистической деятельности и в пределах правового государства принимать активное участие в трансформации немецкого государственного строя. Несовместимо с совестью Юнга было бы применять стратегию, которая использовалась в обычных парламентских рамках. Однако с отставкой кабинета Германа Мюллера 27 марта 1930 года политические предпосылки резко изменились в пользу антилиберальных течений. С возрастающим распадом политической системы был заложен фундамент для того, чтобы политическая власть и дееспособность смещалась от парламента к президентской власти. Теперь Юнг также снова увидел перспективу, чтобы после того, как на публицистическом уровне уже была создана духовная основа, перейти к более активному практическому участию в политической области. Создание Народно-консервативного объединения в 1929 году, из которого вышла основанная в 1930 году Консервативная народная партия, как показалось сначала, было подходящей исходной точкой для осуществления этого проекта. Консервативная народная партия отделилась от Немецко-национальной народной партии (DNVP) и стремилась к отмене массовой демократии путем создания профессионально-сословной конституции. Наиболее авторитетными лицами в ней были граф Куно фон Вестарп и Готфрид Тревиранус, которых вытеснил из DNVP председатель партии Альфред Гугенберг. Главной целью этого объединения было вызвать политические перемены в сотрудничестве с рейхсканцлером Генрихом Брюнингом вне парламентской деятельности. Юнг обосновывал своему другу Леопольду Циглеру свое участие тем, что он считал, что эпоха парламентаризма ушла в прошлое:

«Тогда мы испытаем не стабилизацию системы, а предварительную ступень революции. Тогда партии вообще больше не смогут прийти к управлению государством, а будет введена в действие продуманная система конституционных нарушений, в конце которых появятся новые люди и новое государство. Из-за этого точного знания намерений я в свое время принял решение поддержать консервативное движение».

Тем не менее, выборы в рейхстаг 14 сентября 1930 года, на которых партия смогла получить всего четыре места в парламенте, едва ли оправдали ожидания. После напрасных попыток проведения внутрипартийной реформы «проект Брюнинг» Юнга окончательно провалился. Уже 13 июня 1930 года Юнг разочарованно писал президенту имперского банка доктору Гансу Лютеру: «У меня с движением народных консерваторов уже был свой опыт, который не был таким уж отрадным. Во всяком случае, мне кажется, что было бы целесообразно ни в коем случае не идентифицировать меня с кабинетом Брюнинга-Тревирануса». В принципе, сконцентрированная на Берлине и его окрестностях Консервативная народная партия не могла представить никаких выдающихся политиков. Поэтому председатель партии Тревиранус видел в Юнге самую большую надежду, чтобы придать более четкие черты его партии и помочь ей обосноваться в южной Германии. Даже если политическая программа народных консерваторов гармонировала с мировоззрением Юнга, тактические партнеры так никогда и не смогли по-настоящему сблизиться. Самое позднее после поражения на выборах Юнг больше не видел никаких оснований для своего дальнейшего участия в партийном строительстве. Еще перед выборами Юнг лаконично констатировал: «С другой стороны, теперь нужно быть в политике. Поэтому я ответственно принял руководство Консервативной народной партией в Баварии, чтобы на месте участвовать в ее строительстве». Здесь становится ясно, что партийная активность Юнга была стратегически обоснована. С помощью своего присутствия в политическом пространстве Юнг надеялся получить лучшую исходную позицию, чтобы в случае успеха первого кабинета министров не утратить соприкосновения. После того, как эта возможность потерпела полную неудачу на выборах 1930 года, Юнг принял решение разбить партию:

«Партия находится полностью в руках берлинской клики, и сделать что-то вопреки ей – это совершенно безнадежное дело. Если не удастся ликвидировать партию, тогда мне, пожалуй, придется довести борьбу до конца в открытом бою».

Политическая «краткосрочная вылазка» с Консервативной народной партией представляет собой нарушение принципов в биографии Юнга. Как можно было показать, это интермеццо, однако, носило чисто тактический характер. Таким образом, расщепление партии можно интерпретировать как возвращение к иде-

алистической политической линии. Но для современников этот идеализм часто оставался тайной. Так было, например, когда Хельвиг из «Стального шлема» начал интригу, чтобы привести Юнга на руководящую позицию в этой организации. Франц Зельдте, который считал, что это будет представлять угрозу для его должности, вместе с Хайнцем Браувайлером начал оппонировать против Юнга. Но Юнг на самом деле никогда всерьез не стремился привязывать себя с какой-либо партийной организации, из-за чего он решительно отверг предложения Хельвига:

«Поэтому я, к сожалению, должен отвергнуть вашу идею поставить меня на ключевую должность в «Стальном шлеме». Я не хочу заниматься никакой эксцентрически расположенной политикой, а отчаянно борюсь сегодня за то, чтобы начать национальное движение из центра, т.е. решительно влиять на властителей экономики и сельского населения».

Когда 30 мая 1932 года «кабинет баронов» во главе с фон Папеном как рейхсканцлером сменил безуспешное правительство Брюнинга, карты в политическом контексте перемешались по-новому. Первые контакты между Юнгом и фон Папеном датируются октябрем 1932 года. Даже если сам Юнг не появлялся открыто в правительстве, духовное влияние Юнга на фон Папена очевидно, в частности, в его речах. Самостоятельно несколько бесцветно выглядевший рейхсканцлер, пожалуй, быстро осознал риторические способности Юнга, которые могли придать фон Папену более решительные черты. Юнг, однако, не полагался только на инструмент косвенного влияния. С острой полемикой он выступил против национал-социалистической партии, которая после сенсационного успеха выборов 31 июля 1932 года всерьез угрожала «сверху» приходу к власти консерваторов: «Десять лет рейхстаг был в национал-социалистической терминологии лавкой болтунов. А теперь он вдруг стал призванным представительством немецкого народа!» Но насколько младоконсервативная альтернатива представляла собой реальную опасность для захвата власти Гитлером? Как показали выборы 6 ноября 1932 года, Гитлер должен был в любое время считаться с падением популярности, которое серьезно угрожало курсу национал-социалистов на законный приход к власти. Младоконсерваторы и консерваторы старого типа являлись весьма серьезной помехой для национал-социалистов, так как они могли отобрать у НСДАП антидемократически настроенные элементы немецкого населения. Тем не менее, гораздо более важным был конгломерат власти вокруг рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга и Рейхсвера, который представлял угрозу также для национал-социалистического массового движения. Этот потенциал был сильно ограничен тактикой лавирования Курта фон Шлейхера, личной слабостью фон Папена и малоподвижностью фон Гинденбурга. Хотя фон Папен был весьма податлив к влиянию Юнга, и им хорошо можно было управлять, этого не было достаточно, чтобы надолго заблокировать при-

ход Гитлера к власти. Причиной этого, в частности, была недостаточная решительность рейхсканцлера, обладавшего полной возможностью сформировать устойчивое правительство. 30 августа 1932 года в Нойдеке, восточно-прусском имении Гинденбурга, рейхспрезидент, министр рейхсвера Шлейхер, министр внутренних дел барон Вильгельм фон Гайль и фон Папен обсуждали свои последующие действия в политическом процессе. Вследствие этих переговоров фон Гинденбург решил отменить норму, согласно которой через 60 дней после роспуска рейхстага должны были последовать новые выборы. Фон Папен, однако, не воспользовался этой уникальной возможностью, чтобы сформировать авторитарное долговечное правительство, так что вместе с тем также для Юнга наступил временный конец его реалистических амбиций. Это положение не изменилось и со вступлением на должность главы правительства Шлейхера 2 декабря 1932 года, так как у Юнга не было прямой связи с новым рейхсканцлером. Только с назначением фон Папена на пост вице-канцлера в кабинете министров рейхсканцлера Адольфа Гитлера появились новые возможности для вмешательства. Очевидная популярность Гитлера и определенная мера лояльности, которую Франц фон Папен должен был проявлять по отношению к руководителю кабинета, принуждали к стратегической перемене взглядов. Юнг хотел попытаться разложить национал-социалистическое правительство изнутри своими младоконсервативными идеями. «Объяснение смысла немецкой революции» и Марбургскую речь нужно рассматривать именно в этом контексте. Центром тяжести этих стремлений было бюро вице-канцлера, которое сначала могло работать относительно независимо от национал-социалистов. С сегодняшней точки зрения можно сказать, что оппозиционная деятельность Юнга после прихода национал-социалистов к власти в правительстве никогда не имела существенной надежды на успех. Круг людей, связанный с фон Папеном, первоначально предлагал пригодную платформу для пропаганды, тем не менее, из-за недостающей плебисцитной основы по сравнению с динамичным массовым движением был тупым инструментом. Антитоталитарная агитационная работа Юнга после захвата нацистами власти, которая достигла своего апогея в Марбургской речи, поэтому была важна скорее в моральном, нежели в реалистическом плане. Эту деятельность Юнга национал-социалисты не могли стерпеть, что и привело позже к его убийству.

Уже 25 июня 1934 года тайная государственная полиция (Гестапо) Генриха Гиммлера «превентивно» арестовала Юнга. 30 июня Эдгар Юлиус Юнг в возрасте 40 лет был застрелен в маленьком лесу около Ораниенбурга. Определенная ирония судьбы есть в том, что как раз Карл Шмитт, который проявлял живой интерес к творчеству Юнга, впоследствии оправдывал эти расстрелы, жертвами которых наряду с Юнгом стали такие фигуры как Курт фон Шлейхер, Герберт фон Бозе и Густав фон Кар: «Настоящий вождь – это всегда также судья. Из статуса вождя проистекает статус судьи. [...] На самом деле, однако, дей-

ствие вождя было настоящей юрисдикцией. Оно не подчиняется юстиции, но оно само и было наивысшей юстицией».

Из-за своей неутомимой антитоталитарной и элитарной деятельности Юнг еще задолго до своей смерти нажил себе сразу несколько врагов среди национал-социалистов. Бальдур фон Ширах, который из-за своей работы с молодежью пребывал в естественной конкурентной борьбе с Юнгом, ответил на запрос в отношении этого младоконсерватора следующим образом: «На ваш запрос от 16.11.1928 я могу вам сообщить следующее: доктор Эдгар Юнг, полуеврей, который охотно представляется как «стопроцентный революционер», не имеет ничего общего с НСДАП. Я лично считаю его одним из наихудших врагов движения». После революции тон в адрес Юнга стал еще более резким. Так газета «Нидерзэксише Хохшульцайтунг» напечатала статью под заголовком «Против фальсификации. Господин Юнг «объясняет» нам смысл революции 1933 года». В статье содержалась самая суровая критика новой книги Юнга. Идеалистическая прямолинейность, которая была направлена против тоталитарных структур любого рода, четко проявилась также в агитации Юнга против книги Эрнста Юнгера «Рабочий», которую он охарактеризовал, как «в принципе, ничего иное, как абсолютный большевизм». Соответствующим образом Юнг в многочисленных издательствах делал рекламу для книги Макса Хильдеберта Бёма «Буржуа под перекрестным огнем», которая представляла собой что-то вроде ответа через печать на произведение Юнгера.

4. ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «ГОСПОДСТВА НЕПОЛНОЦЕННЫХ»

«В память о тех, кто погиб в борьбе, тем, кто встает для борьбы».

Эдгар Юлиус Юнг, 1927

Самое позднее в начале 1926 года документально подтверждено, что Юнг работал над первым изданием «Господства неполноценных».

Претензия этого произведения на то, чтобы раскрыть все важные сферы общественного сосуществования, привела Юнга до пределов его познаний, из-за чего ему пришлось тесно сотрудничать с экспертами. К кругу его помощников принадлежал, например, Карл Кристиан фон Лёш, который в окружении «Немецкого союза защиты приграничных и зарубежных немцев» на берлинской улице Мотцштрассе занимался проблемами немцев, живущих в приграничных областях и за рубежом. Большие издержки на публикацию и универсальное намерение новой книги способствовали тому, что круг вокруг Генриха фон Гляйхена теперь уже окончательно не мог считаться самой важной кузницей идей Консервативной революции. Юнг также осознанно отказывался от более

близкого сотрудничества с «Движением Кольца», так как для него духовная самостоятельность была важнее, чем возможности лоббирования, которые наверняка принесло бы ему объединение с приверженцами умершего Мёллера ван ден Брука. Мировоззренческая независимость от определенных носителей была особенно важна для Юнга, так как очевидная принадлежность к партии угрожала бы его видению национального объединенного движения. Группировка вокруг фон Гляйхена также была ориентирована надпартийно, однако, умственные возможности для развития в пределах этого круга были подчинены определенным регламентациям. Сверх того, представление ориентированного на народ сборного движения плохо совпадало с элитарным характером Клуба господ. С первым изданием «Господства неполноценных» Юнг создал предпосылки, чтобы построить политическую сеть, которая соответствовала бы его личным представлениям. К этому проекту Юнг приступил с самой большой убежденностью. По договоренности со своим издателем Рудольфом Пехелем он рассылал так много авторских экземпляров важным личностям, что Пехель, наконец, был вынужден написать ему: «Теперь мы на той стадии, когда мы не можем больше бесплатно отдавать ни одного экземпляра, так как все это уже принесло нам очень большие убытки».

Эти интенсивные рекламные мероприятия показывают, что Юнг ни в коем случае не был уверен в том, сможет ли его произведение достичь ожидаемого успеха.

Если сравнить первое издание его основного произведения со вторым, то бросается в глаза, что ни в коем случае нельзя говорить о фундаментальном изменении парадигмы в мышлении Юнга, как это часто утверждают. Скорее между изданиями нужно констатировать смену акцентов, которая выражается в мнении Юнга, «что не якобинская «нация», а «народ» должен стать основой новых политических образований на континенте».

Это становится отчетливым уже во вступлении к первому изданию, где автор ставит значение мировой войны в начало своих размышлений и подчеркивает тем самым националистически-разделяющий момент между народами. Напротив, вступление ко второму изданию Юнг писал в преисполненном надежды предвидении:

«Революция духа наступила; умственный взлет, духовное возрождение пробиваются вверх. Новое, связанное с Богом и природой, дуновение веет над пустыней немецкой жизни. Таинственная энергия силы течет через европейское пространство и наполняет всех, кто принадлежит к немецкой крови, новым чувством сплоченности».

Здесь на переднем плане уже не боевой воинственный аспект, а восстановление немецкой духовной жизни. Даже если Юнг по-прежнему видел оформляющую и определяющую силу на континенте в немецком национальном духе, в расширенной редакции его книги понятие «европейства» теперь выдвигается на более центральное положение. Терминологически это изменение становится особенно ощутимым во внешнеполитической части, где Юнг еще говорил о «Новом национализме». Во втором издании этот измененный также по содержанию абзац получил заголовок «Век немцев». Если рассмотреть определение Юнгом немецкого национализма, эта переработка становится понятной: «Духовное углубление путем погружения в источники народно-национальной силы – вот что является новым национализмом немецкого проявления. Он – не бесплодная ненависть к другим народам и расам, которая только отрицает и поэтому парализует любую конструктивную деятельность». Здесь понятийные трудности автора становятся совершенно ясными. Из потребности размежевания с ориентированными на биологические расы «Фёлькише» и с западной формой национализма он выбрал понятие «Нового национализма». С созреванием его усиленно направленного на Европу видения империи, тем не менее, слово «национализм» превратилось в бремя для политической общей концепции.

5. ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «ГОСПОДСТВА НЕПОЛНОЦЕННЫХ»

5.1. Духовно-философская часть

5.1.1. Основания и цели

«Немецкий дух находится в кризисе, который он вероятно, еще никогда прежде не переживал в своей трагической истории. Найдется ли у него сила, чтобы извергнуть рационализм из своего бытия? Будет ли даровано ему внутреннее повиновение, чтобы сдерживать неусмиренную жажду жизни? Научится ли он позволить своей душе снова найти опору в вечном?»

Эрих Кауфман, 1921

Набросанные в предшествовавшей части идеологические предпосылки находят свой отзвук в первой части основного произведения Юнга. Здесь автор углубил философские основы органического обществоведения, которые находят свое практическое исполнение во второй части книги. Юнг советовал неквалифицированному читателю просто перескочить философскую часть, которая по сравнению с первым изданием углубилась и расширилась. Огромный объем почти в 700 страниц и множественность обработанных тем вызывают вопрос, насколько

вообще можно было справиться с завершением работы, тем более, что Юнг никак не мог сконцентрироваться исключительно на своем основном проекте: «Огромный объем работы сожрал меня, так что я только с большим трудом еще привожу ее в порядок, вношу диспозицию в главы, которые из-за полноты их материала ставят меня перед почти неразрешимыми задачами». Как уже упоминалось выше, Юнг хоть и нес основную тяжесть работы, но ему, тем не менее, оказывал существенную поддержку круг помощников. Наряду с доктором Краусом из издательства «Дойче Рундшау» («Немецкое обозрение»), который занимался, прежде всего, стилистически-орфографическими улучшениями, самыми важными помощниками были доктор Конрад Нуссбэхер (культура и философия), доктор Карл Кристиан фон Лёш (внешняя политика) и доктор Отто Ляйбрехт (демографическая политика). При этом доверие Юнга к его другу Нуссбэхеру было особенно велико. Так как когда фон Лёш покритиковал выдающуюся роль Штефана Георге в культурной части, то Юнг немедленно отверг эту критику со следующим указанием: «Что касается вашей оценки культурной части, я могу самое большее согласиться с вами в чем-то в одном пункте. [...] Я сам как раз не в состоянии определить значение Штефана Георге. Я здесь положился на исключительно тонкий приговор моего друга Нуссбэхера».

Даже если Юнг заботился о тесном дружеском отношении к своим помощникам, сохранилось несколько денежных переводов, суммы которых большей частью составляли от 30 до 100 рейхсмарок.

Для Юнга в отличие от обусловленного активистским национализмом времени выхода первого издания развилось новое духовное исходное положение: «Мы стоим на пороге нового мира. Наступление новой эпохи, которая, вероятно, не только внешне, откроет новое тысячелетие, началось». И в действительности духовные, политические и общественные предпосылки для достижения желаемого органического будущего государства в год выхода второго издания значительно улучшились. Партии, которые были близки к либеральной форме правления, были ослаблены, и широкие части немецкого населения приходили к националистическим идеям. Вероятно, прежде всего, фактор Гитлера разрушил эту тенденцию. Вместо органически структурированного народного государства возникло тоталитарное государство вождя. Юнг в этом отношении был одним из первых Консервативных революционеров, которые распознали и критиковали эту тенденцию. «Господство неполноценных» должно было дать, в первую очередь, духовное и практическое руководство к действию, чтобы активно указать альтернативное направление в это время предстоящих политических изменений.

5.1.2. Первая мировая война как предвестник нового времени

«В мировой войне мы нашли самих себя. Если кто-то другой хочет понять нас, если мы сами хотим понять себя, то мы каждый ход мысли должны начинать с пережитого в мировой войне».

Принц Карл Антон Рохан, 1930

Согласно Юнгу, Германия на духовном уровне со средневековья находилась в непрерывном процессе дегенерации, что, в конечном счете, привело в кайзеровской империи к господству материализма над метафизическим уровнем: «Дух человека потерял свое внутреннее единство в течение многовекового развития. Человек цивилизации отрицал божественный разум и отделялся от своих душевных корней, чтобы утонуть в материальном. Так приближался век материализма, достигая высшей точки во время мировой войны». Юнг видел в материализме, который привел к растворению культуры и настоящей духовной жизни, главного врага своего мировоззрения. Неприятие либерального мира, который опирался на идеалы Французской революции, было, вероятно, самым важным связующим звеном между отдельными группами Консервативной революции. Так они в значительной степени сходились в том, что индивидуума следует подчинить общности, что существовали различия в ценности между людьми и народами и что как раз в либеральной системе невозможно достичь «истинной свободы». Из-за Первой мировой войны у Юнга произошел поворот в двух отношениях. Во-первых, так как такие жесткие для Германии условия Версальского мира показали, что даже сами либерально-демократические государства Запада никоим образом не придерживались своих собственных свободолюбивых принципов. И в действительности положения Версальского договора вплоть до захвата власти Гитлером в 1933 году давали плодотворную питательную пропагандистскую среду для национального лагеря. Во-вторых, во время мировой войны на первый план вышел новый тип человека, так называемый фронтовик. В ежедневной борьбе за выживание он получил возможность пробиться к метафизическому уровню и достигнуть этим высокой ценности бытия, что дает ему преимущества над материалистической односторонностью гражданского мира. Индивидуализм видит в смерти своего самого большого врага, так как с нею умирает отдельная особь, которой приписывается наивысшая ценность. Однако фронтовик смог превзойти страх смерти, что сделало для него возможным достичь надындивидуалистического понимания. Эта появившаяся уже в годы войны основная мысль должна была, по мнению Юнга, проложить путь к новой империи и позволить начать «высококачественную», «подчиненную мифу» эпоху. «Высококачественным» автор считал все, что соответствовало предпосылкам целостности. По его собственным словам, Юнг не хотел конструировать новый

миф, но новое время должно было целиком и полностью опираться на мистические ценности:

«Исходя из этих опытов, второе издание книги должно было принять новый вид. Ее задача была очерчена четче. Она не могла провозвестить новый миф; она также не должна была предсказать новый миф. Она должна была сделать только одно: набросать социальные формы будущего подчиненного мифу времени в его контурах».

Это высказывание соответствует самопониманию младоконсерваторов, так как принципу органического роста противоречит мысль о том, что миф можно сконструировать интеллектуальным путем. С другой стороны, здесь, пожалуй, также можно заметить определенную неуверенность автора относительно того, на каких метафизических основах могли бы в будущем появиться мифы. Христианство подходило для этого в том смысле, что оно хорошо совпадало с озарением средневековья, и приемлемость его в культурном отношении по всей Германии уже существовала. В сравнении с этим фронтовой опыт играл для Юнга, конечно, скорее подчиненную роль, но был неотъемлемым по политически-стратегическим причинам: «Однако я прошу не изымать опыт войны. Если я хочу действовать в политике, а не только в литературе, то требуется воззвание к живому носителю возрождения. Я поэтому ни в коем случае не могу упускать из виду воздействие на поколение фронтовиков». Война не была главным центром тяжести философии Юнга, как это было принято у некоторых других национальных революционеров, но едва ли она могла отсутствовать в его столь универсально задуманном программном труде.

5.1.3. Основное философское содержание

«Мы называем Консервативной революцией восстановление уважения ко всем тем элементарным законам и ценностям, без которых человек теряет связь с природой и с Богом и не может построить настоящий порядок».

Эдгар Юлиус Юнг, 1932

По представлениям Юнга «ориентация «я» на общность» – это решающий пункт его мировоззрения: «Решение никогда не является безусловным; оно всегда остается обусловленным временем, в зависимости от более сильного акцента чувства «я» или чувства общности. В первом случае превалирует стремление к честолюбию (цивилизация), во втором перевешивает требование формы (культура)». Только если основное внимание уделено чувству общности, могла бы развиваться культурная жизнь, которая соответствовала бы естественным предрасположениям человека. Жизнь общности поддерживалась бы различием осо-

бей в жизни, причем этой гармоничной согласованности угрожает требование равенства, свойственное западной демократии. Юнг признает идею равенства исключительно на метафизическом уровне:

«Так как для покоящегося в трансцендентном человека является установленным равенство того, что несет «человеческое лицо», так как он в каждом человеке видит появившуюся самостоятельную частичную форму всеобъемлющей более высокой жизни, т.е. что-то равное. Это равенство перед Богом – это дарующая жизнь, недостижимая цель развития существует, таким образом, только для метафизического способа рассмотрения. Потому идея равенства может действовать только в душевном и чувственном».

Так же Юнг не хотел признавать понятие свободы на этом уровне, так как неограниченная свобода на основе констатируемого неравенства людей неизбежно должна привести к анархии. Так как микрокосмический мир должен служить более высокому чувству общности, Юнг дополнил свою концепцию понятием необходимости. Так человеческое сосуществование, по его мнению, характеризуется необходимостью служить более высокому делу, причем стремление к свободе должно ставить под сомнение эту необходимость в материальном мире:

«Перенести свободу как досягаемую цель в мир материала и человеческого общества означает лишить ее человечности. Так как вместе с тем отрицается необходимость, которая лишает понятие свободы его характеризующего ограничения и ставит хаос на место порядка».

Общество, которое презирает этот закон, можно на длительный срок контролировать только лишь силой, так как необузданное стремление индивидуума к свободе сделало бы невозможным упорядоченное сосуществование. Эта критика была направлена в первую очередь против демократического массового государства.

Юнг расширил свою духовную позицию на более высокий уровень, исходя из того, что необузданный индивидуализм продолжается также на уровне народов:

«Так как индивидуализм пропитывает своим духом не только отдельную особь в узком смысле, человека, но и более высокую форму проявления, народ. На место завышенной оценки одиночки приходит завышенная оценка народа. Идеал свободы, первоначально отчеканенный на отдельную личность, переносится на народ. Так же и идея равенства».

На этой основе автор интерпретировал поражение Германской империи во время мировой войны. Так, по его мнению, корыстолюбивые народы объединились

друг с другом, чтобы совместно победить Германию, обладавшую большим духовным содержанием. В этой связи Юнг также использовал термин «молодой народ», которому приписывалось духовное содержание и вместе с тем культура. Зато так называемые «старые народы» характеризовались внутренней «пустотой», которая нашла свое выражение в цивилизации. Похожее различение присутствует и в работах Мёллера. Для него достижение цивилизаторской ступени тоже означало автоматическую гибель народа: «Как только люди усовершенствовали мир настолько, что они могут вычислять мир, он распадается на свои составные части». Только новый порядок мог бы остановить этот процесс распада и освободить путь к духовному возрождению. В конце этого процесса нравственная свобода должна сменить понятие свободы Французской революции. Под нравственной свободой Юнг понимал независимость от материальных вещей, что демонстрировалось, в особенности, в бесстрашии перед смертью. В религии Юнг видел подходящий ключ, чтобы достигнуть этой духовной основы. При этом христианство отнюдь не рассматривалось им как единственная возможная форма религиозности:

«Но должна ли наступающая религиозная эпоха быть христианской? Не возможно ли отвернуться от христианства, обратиться к новым, например, еще только возникающим религиозным формам? Ответ на этот вопрос был бы лишь предсказанием и потому научно недоказуемым. Но христианство, «внутри нас», глубокий смысл которого состоит в том, что Бог пришел на землю и умер на ней, означает толкование человечности, которое могло бы быть вневременным и непреодолимым».

Здесь становится совершенно очевидным, что речь у автора идет не о внешних формах, а об основном духовном содержании религии. Однако относительная открытость по отношению к какому-либо будущему отправлению религиозных обрядов не значит, что религия должна была использоваться лишь как инструмент для достижения политических целей. Скорее это соответствует существу Консервативной революции: опираться на исторические основы и одновременно хотеть сотворить из них что-то новое. Ход истории в этой модели представляется не как линейное стремление к прогрессу.

5.1.4. Народ, раса и империя

«Империя возникнет [...] и она возникнет в ходе того, когда немецкий народ начнет убирать кучу мусора мира механики: в большой колонизации, в которой он заново приобретет себе старую землю для живого порядка».

Франц Марио, 1931

Второе издание «Господства неполноценных» характеризуется отказом от национализма и обращением к идеям «Фёлькише»: «Автор за прошедшее время попытался преследовать ход мысли национализма до их горького конца; поэтому он сегодня отворачивается от дезориентирующего понятия национализма». Идею национального государства автор обвинял в том, что она была «механистической» конструкцией, противоречащей органическому предрасположению немецкого народа. Как и у отдельных людей Юнг не хотел принимать равенство и у народов. Поэтому естественное сосуществование народов было для него возможным только в пределах империи, в которой ведущая роль должна была принадлежать «высококачественным» народам. Потому не было бы ошибочно обозначить концепцию Юнга как народно-националистическую («фёлькиш»), причем, однако, нужно провести четкую разграничительную линию с классическим народно-националистическим мышлением, которое предпочитает расово-биологические предпосылки. Однако автор вполне видел связь между определенными составными частями расы и появлением «высококачественных» духовных сил. Эта констатация склонила его к высказыванию, что «мероприятия для подъема расово ценных составных частей немецкого народа и предотвращения притока неполноценных [...] должны быть приняты скорее сегодня, чем завтра». Но под этим понимался не индивидуальный анализ рас в пределах народа, а демографическая политика на метауровне. Юнга поэтому нужно классифицировать не как расового фанатика, а как защитника общественной политики, в которой местные части населения должны были сохранить свое преобладающее положение. Тем самым также можно было бы защитить «высококачественные» культурно-духовные элементы внутри самого народа. Такая избирательно поддерживающая государственная политика, которая концентрируется в первую очередь на заботе о «высококачественном», противоречила практикуемому в многочисленных современных государствах принципу равного обращения. Юнг отказывался от того, чтобы привязывать «высокое качество» к определенным расово унаследованным или внешним признакам, вследствие чего в его концепции отсутствует более тесное родство с национал-социалистической расовой теорией. Однако такие фразы как «истинная ценность требует уничтожения неценного» содержат большой потенциал для злоупотреблений. Впрочем, так как политическая программа Юнга никогда не была осуществлена на практике, это должно оставаться в области предположений.

5.2. Практически-политическая часть «Господства неполноценных»

5.2.1. Основания и цели

«Парламентская эпоха заканчивается безвозвратно. Ее формы ничего больше не достигают, они только обременяют нас».

Освальд Шпенглер, 1924

Если в духовно-философской части речь у автора шла о том, «чтобы сжать в небольшом объеме возможно более объективным способом то, что в противном случае должно было вырабатываться путем утомительного чтения многочисленных трудных произведений», то практическая часть была определена для того, чтобы привести выработанные философские основы к близкой к реальности общей концепции. Юнг осознавал проблематику, что при этом необходимо найти средний уровень между общей произвольностью и слишком конкретным оформлением будущего. Однако основная его забота состояла в том, что духовно-философские основы будут интеллектуально доступны только некоторым немногочисленным идейным первопроходцам или что даже пользу из этого извлекут совсем другие народы.

5.2.2. Государство, общество и масса

«Оказывается, что без опирающейся на силу власти правителя никакое общество невозможно, но эта власть всегда должна основываться на определенных преобладающих ценностях, на духовной иерархии».

Отмар Шпанн, 1921

Как уже упоминалось выше, представление Юнга о социополитических целях базируется на реорганизации общества по средневековому образцу, причем государству в нем дается лишь роль «наивысшего сословия». Юнг подчеркивал при этом опасность того, что базирующееся на либеральных предпосылках государство может привести этот порядок в состояние хаоса. При этом его критика была направлена против опирающейся на естественное право теории общественного договора, которая представляла для него искусственное поддержание порядка. Эта система представлений однозначно ориентирована на выдающееся положение народа, который не зависим от дополнительного вмешательства сильного государства, а может самостоятельно решать важные общественные задачи. Юнг исходил из того, что народы в начале их становления как народов уже располагали естественной, органической связью. «Искусственная государственная надстройка» появилась, на его взгляд, только с подъемом либерализ-

ма: «В начале индивидуалистической государственной жизни еще преобладают настоящие ценности чувств, которые уже по необходимости дает создающая единство сила общего языка». Так как современные национальные государства всегда тоже базируются на могущественном государственном аппарате, из этой аргументации становится понятным отказ Юнга от национализма. Государство по существу должно быть только инструментом «самых способных» личностей общества, чтобы смочь, например, через воспитание влиять на народ: «Ни в коем случае это не означает, что у государства не было задачи воспитания, только она принадлежит не правовой форме, как абстрактному государству, а нравственно обязанным вождям, которые должны пользоваться государственной властью в воспитательном смысле». Неодобрение Юнгом бюрократизированного и резко вмешивающегося в общественную жизнь государства не останавливалось также перед прусской государственной системой. Юнг упрекал ее в том, что она либеральна и пренебрегла духовными основами общности:

«Государственное обожествление прусского консерватизма привело к тому особенному видоизменению консервативной мысли, которое правильнее было бы охарактеризовать как назойливый либерализм. Потому что он цеплялся за обусловленное временем государство, а не за вечные ценности общности».

Только путем исключения общественных вопросов из сферы государственной ответственности государство могло бы сконцентрироваться на внешней политике, а народ смог бы вернуться к истинной духовной жизни.

Юнг считал, что процесс духовного распада немецкого народа постоянно усиливается, так как обособление и материализм потрясли фундамент «истинной общности». Он видел эту тенденцию в тесной связи с феноменом возрастающей урбанизации:

«Архитектурный вид крупных городов соответствует состоянию духовного беспорядка, во время которого они возникли. Бессмысленное накопление камней и роскоши, убивающее душу втискивание людей в тесное пространство характеризуют те картины города, которые понимающий природу человек воспринимает как прегрешение против духа».

Юнг видел такие тенденции к росту превращения людей в безличную массу также в культурной области, экономике и журналистике. Это развитие можно было бы остановить только, если дух общности вытеснит преобладание материализма. Только тогда можно было бы сформировать «истинное руководство», целью которого стала бы не корысть одиночек, а благо всего народа.

Восприятие массы, а с ним связана и массовая политика, все больше формировалось в ходе демографического взрыва и технического прогресса в девятнадцатом веке. Но только появление массы как фактора силы в войнах и революциях вызвало принятие этой проблематики у разных мыслителей. Все больше возникали мысли о том, насколько можно использовать этот феномен для определенных целей или как можно было бы, по меньшей мере, направить эти воздействия в нужное русло. Идею Юнга о возвращении общества в доиндустриальное состояние, когда масса в ее современном понимании еще не существовала вообще, можно оценить как сравнительно далекую от реальности. Тот ренессанс средневековой сословной системы, за который он выступал, нужно интерпретировать скорее как метафору для нового государства, в котором жизнь общности приобретает более высокую значимость, чем корысть и материализм. Это отношение приводит консервативное мировоззрение Юнга к обязательному противостоянию политическим левым. Левые уже рано осознали потенциал силы унифицированной, мобилизуемой массы. Так, например, европейские социалисты в 1890 году, после того, как было принято решение об основании Второго Интернационала, организовали марши рабочих во всей Европе, которые привлекли к себе много людей и укрепили позиции левых. К сожалению для Консервативной революции национал-социалисты позаимствовали для себя эти испытанные механизмы управления и тем самым вступили также в прямую конкуренцию с демократическими массовыми партиями. Консервативная революция, отказавшись от популизма и массовой агитации, оставалась верной своим принципам и потому больше не могла направляющим образом вмешиваться в историю Германии. Юнгер при этом представлял собой определенное исключение, так как его образ «Рабочего» был вполне совместим с принципами массового государства. Но также и эта попытка не могла завоевать влияние за пределами уровня интеллектуалов и таким образом ничего не изменила в дилемме консервативной альтернативы.

5.2.3. Критика сущности партийной системы

«От страха за часть добычи на великогерцогских бархатных креслах и в трактирах Веймара возникла немецкая республика, отнюдь не форма государственного правления, а фирма. В ее уставах говорится не о народе, а о партиях, не о власти, о чести и величии, а о партиях, не о правах, а о партиях, никакой цели, никакого будущего больше, а партийный интерес».

Освальд Шпенглер, 1924

С появлением современных массовых партий Юнг видел также и парламентскую систему в состоянии усиливающегося разрушения. Если в начальный период парламентаризма в девятнадцатом веке еще можно было увидеть положитель-

ные стороны избранного парламента, то в ходе «превращения людей в массу» и «урбанизации» значительно усилились глубокие проявления распада. Это развитие еще больше ускорилось из-за доминирования утилитарного мышления над культурой и душой. С помощью технически прогрессивных методов массовой рекламы партиям удалось воспользоваться этой тенденцией и вместе с тем оказывать вредное влияние на народ и государство. Юнг здесь исходит из предположения, что экономические предпосылки были перенесены на политическую жизнь: «Сегодня партия для тысяч человек означает жилье, одежду и питание для их самих и их семей. Они не борются, в принципе, ни за государство, ни за партию, а лишь за свое собственное жалкое существование». В этой аргументации еще нет ничего особо исключительного, и ее вполне можно сравнить с сегодняшними дискуссиями о непомерно высоких жалованиях политиков. Юнг, однако, сделал еще один шаг дальше, обвинив партийную систему в духовной «неполноценности». Так он исходил из того, что в партийных союзах вплоть до верхушки партии существовал большой дефицит духовного содержания. Исходя из этого, он отказывал типичному партийному политику как в его полезности для всеобщего блага, так и в чистой способности сделать что-то положительное. Поэтому неудивительно, что Юнг пришел к логическому выводу: «Ничто не заслуживает скорой гибели так, как партия. Тот, кто искореняет ее огнем и мечом, совершает благочестивое дело». Занятие чиновничьих постов верными партийными назначенцами представляло для Юнга большую проблему, так как вследствие этого «разлагающее» влияние партий дополнительно усиливалось. Но также и в остальном автор невысоко ценил чиновничество, которое он упрекал в упрямом сохранении статус-кво и недостатке мужества: «Где речь идет о бытии или небытии народов, там чиновничество в качестве руководства не справляется. Оно не привыкло рисковать и также поэтому не выигрывает». «Бесцветное» чиновничество и партийная система, которая характеризуется сильной текучестью и колебаниями, по мнению Юнга, поэтому едва ли могли бы соответствовать требованиям очерченного им «настоящего руководства», которое наряду с конкретным политическим управлением должно было также особенно отвечать за задачи воспитания:

«Не бывает подъема масс к настоящей культуре без веского образца настоящих руководителей. Во все времена задачей высококачественных было увлекать за собой тупых; да, это нужно сказать: также с применением силы. Человечество требует воспитания, это вечный закон общественной жизни».

(В оригинале в значении «руководство» использовано слово «Führertum», происходящее от «Führer» – «вождь», «лидер» – прим. перев.)

Это требование Юнга частично несет тоталитарные черты. Здесь раскрывается определенный раздор в его мировоззрении, так как ориентированная на само-

стоятельные единицы и органический рост модель не согласуется с тоталитарными элементами. Эта противоречивая аргументация объясняется, вероятно, тем обстоятельством, что автор исходил из принципиальной склонности лишенного руководства немецкого народа к «неполноценному». Следовательно, население нужно принуждать к его «счастью». У тоталитарных идей в произведении Юнга ни в коем случае не было намерения создать диктатуру, они должны были лишь проложить путь «к настоящей свободе». Через очки либеральной модели, которая пытается гарантировать населению максимум личной свободы в рамках действующих законов, эта аргументация должна, естественно, казаться неприемлемой. Кроме того, конечно, есть также противоречие в том, чтобы желать добиться органического роста с помощью принуждения. Эту систематическую несогласованность можно объяснить, пожалуй, тем, что Юнг из-за гетерогенной ситуации с интересами населения не считал возможным достижение своих целей либеральными средствами.

5.2.4. «Настоящая общность»

«Я даю, чтобы ты дал: это наивысшая мудрость основанного на индивидуализме общества. Я отдаю себя целиком, чтобы получить из общности обратно мое увеличившееся «я»: это – истинное внутреннее переживание общности».

Герман Ульман, 1929

Центр вращения и центр тяжести реформистских стремлений Юнга – это трансформация общества Веймарской республики, которое он объявил неполноценным, в «настоящую общность». Функционирующая, органическая общность – это, по мнению Юнга, исток всех здоровых политических и государственных процессов. Так руководящие личности должны были сформироваться из колонн общности, сословий, и даже государство при этих естественных предпосылках могло бы произойти только из общности как «наивысшее сословие». Разрушение государственного и общественного единства, которое достигло своего апогея после 1918 года, автор объяснял отсутствием унифицированного каркаса ценностей: «Не бывает общности без общего чувства ценностей. Этот установленный уже в первой части книги принцип является ключом для понимания общественного и государственного разрушения, как оно представлено в последних главах».

Эти ценности, согласно Юнгу, должны были быть, в первую очередь, ценностями религиозного характера. Подобную дающую ценности функцию принял национализм эпохи кайзера Вильгельма II, который, однако, больше не был приемлем из-за своей близости к «механистическому» мировоззрению. Сверх того, религиозное обоснование давало то преимущество, что соответствующий

руководитель мог бы быть стилизован к правителю милостью Божьей: «Власть воспринимается как поставленная Богом, и наоборот, руководящий слой чувствует себя обязанным общности». Эти сформированные средневековьем способы рассмотрения гармонируют также с очевидной склонностью Юнга к порядку. Под порядком автор понимал естественное подчинение и службу людей в пределах корпоративно организованного общества. Неоднородность народа следовало рассматривать не как зло, как в марксистской модели, а как естественную, богоугодную дифференциацию.

Итак, концепция Юнга начинала с народа, которому должно быть передано как можно больше задач, за которые до сих пор отвечало государство. В органическом проекте государство нужно рассматривать лишь как естественное выделение жизни общности. Поэтому органическое учение о государстве и обществе всегда должно также иметь склонность к народно-национальному. Было бы, конечно, ошибочно классифицировать Юнга как народно-национального автора в понимании Мёллера, но очевидно, что он включил элементы идей «Фёлькише» в свое мировоззрение. Так автор исходил из того, что существовала душевная связь между «кровью и почвой», которая является основой для настоящей жизни общности: «Настоящая общность основывается на переживании родины. Тот, у кого больше нет корней в земле, не сможет выработать в себе какое-либо чувство целостности. Переживание природы способствует переживанию космоса. Тот, у кого больше нет родины, теряет свою душу». Практически это представление достигло высшей точки, например, в требованиях с помощью ограничения свободы перемещения остановить урбанизацию или способствовать многодетным семьям путем введения ступенчатого избирательного права (голос многодетных людей весил бы больше голоса бездетного человека). Семья как самая маленькая единица общности должна была взять на себя задачу заполнить пространство «в соответствии с кровью», чтобы создать этим основу для органически-национального порядка.

5.2.5. Руководство в органическом государстве

«Значимые люди не сидят в парламентах. Всеобщее избирательное право – это сито для деятельных агитаторов и болванов, остроумнее которого трудно было бы что-то придумать».

Фридрих Георг Юнгер, 1926

«Настоящие вожди» должны были, по словам Юнга, происходить из сословий посредством лучшего отбора. При этом процесс отбора руководителя не должен был особо форсироваться в функционирующем государстве, так как внутри структурированной общности наилучшее и так победило бы естественным пу-

тем. Само собой разумеется, что в преддверии общественной и государственной новостройки следовало создать предпосылки, чтобы можно было начать «естественный» рост. При этом враги «настоящего» руководства были для Юнга абсолютно ясно определены. Самым большим злом представлялись ему бесцветные партийные функционеры, власть которых не основывается на народе, а базируется на влиянии на массы:

«Механические процессы отбора никогда не приведут к выбору наилучшего. [...] Скорее они могут быть устроены так, что они мешают естественному процессу отбора, и содействуют отрицательному отбору (господству неполноценных в массовой демократии)».

Так же резко Юнг отвергал национальную и пролетарскую диктатуру, так как здесь из-за отсутствия «естественного» роста развитие снизу вверх невозможно. При таких мировоззренческих предпосылках Юнга диктатуры Сталина, Муссолини и Гитлера должны были представляться ему «неорганическими», «либеральными» и «механистическими». Последовательность, с которой Юнг защищал свое мировоззрение, при тогдашних политических условиях в силу необходимости не могла не оказаться роковой лично для него.

Если не считать требования, что «настоящий вождь» должен полностью прочувствовать и принять универсалистское мировоззрение, то тип желаемого Юнгом руководителя представляет собой действительно скудную картину. На переднем плане преимущественно стоит требование «отбора» и «высокого качества». Но Юнг отказывал парламентской системе в способности «вырастить» руководство. Тем самым он соглашался с идеями, которые углублял в первую очередь Карл Шмитт:

«Что означает парламентаризм [...]? По существу и самое большее это средство политического отбора вождя, надежный путь устранить политическое дилетантство и дать возможным прийти к политическому руководству самым лучшим и самым способным. Но возникли очень большие сомнения относительно того, действительно ли парламент обладает способностью образовать политическую элиту».

В рамках Консервативной революции все были единодушны в том, что парламентаризм ускорил проникновение «неполноценных» элементов в политическую жизнь.

5.2.6. Конструкция органического государства

«У всего Запада нет более тех инстинктов, из которых вырастают учреждения, из которых вырастает будущее: его «современному духу» быть может, ничто не приходится в такой степени не по нутру. Живут для сегодняшнего дня, живут слишком быстро, – живут слишком безответственно: именно это называют «свободой»».

Фридрих Ницше, 1889

Для Юнга было ясно, что государство будущего должно отказаться от парламента. Что касается аргументов, то это требование ориентировалось на исследования Карла Шмитта: Со временем парламентские принципы публичного высказывания, дискуссии и разделения властей, которые первоначально были направлены против абсолютизма, отжили свой век из-за того, что Просвещение было разоблачено как лжеучение.

Юнг мог признать за разделением властей лишь исторический смысл: Так абсолютной княжеской власти была противопоставлена компенсирующая сила сословий, что было подобно бракосочетанию органического и либерального мышления. Но в нынешнее время, после крушения монархии, основание для существования разделения властей отпало. Поэтому автор пришел к выводу, что «Двадцатый век [...] [стремится] к единственной выросшей из народной воли государственной вершине, которая равным образом исполняет задачи и законодательной власти и правительства». В качестве идеального положения он представлял себе однопалатную систему, которая должна была самостоятельно принимать законы. Исполнительная власть должна была по практическим причинам осуществляться правительством, что, однако, из-за органического единства правительства и законодательной палаты не означало бы разделения властей в сегодняшнем смысле. У народа в этой государственной конструкции не было бы возможности оказывать непосредственное влияние на персональный состав государственной вершины, так как даже первичные выборы должны были осуществляться в настолько маленьких единицах, что сохранилась бы личная связь между руководителями и руководимыми. И даже для пирамидального государственного устройства не было предусмотрено, чтобы оно полностью определялось выборным принципом, так как Юнг считал назначение сверху вниз допустимым в определенных областях. Дистанция между правительством и народом была желанной для автора, она ведь представляла для него также отделение «высококачественных» от «неполноценных». Высокому уровню свободы, который должен был получить народ через желаемое самоуправление, противостояло исключение из непосредственного участия в высшей государственно-политической жизни: «Однако смешное вмешательство с пустыми разговорами в

руководство должно прекратиться. У народа в государственной сфере есть только одно право: быть хорошо управляемым».

Само собой разумеется, что органическое государство может существовать только на федералистской основе. Юнг, однако, видел и опасность неорганического федерализма. «Настоящий» федерализм согласно органическому учению о государстве должен гарантировать внутреннюю связь между землями и государством и должен заботиться также о том, чтобы структура считалась с естественными предпосылками. Из-за исторически высокой неоднородности немецких территорий Юнга считал себя не в состоянии предложить унифицированную систему классификации. По существу Германия разделена на сегменты в соответствии с племенами или династиями. Обоим этим принципам автор мог подтвердить основывающие единство и вместе с тем органические моменты. Однако он выступал за то, что если еще существовали достаточные национально-народные силы, то следует дать преимущество структурированию по принципу племен: «Такой, пожалуй, будет судьба Германской империи в ближайшее время: промежуточное положение между государственным и национальным федерализмом. Но это никак не должно скрывать того представления, что будущее принадлежит федерализму, который строится на народности».

5.2.7. Право и закон

«И с другой стороны, чем больше я занимался проблемами социальной, политической и исторической жизни, тем яснее я должен был осознавать бесплодность господствующей правоведческой методики».

Эрих Кауфман, 1921

По убеждению Юнга любому «построению нового государства» должно было предшествовать глубокое правовое обновление. Можно было приписать автору особенно высокий уровень способностей в этой области, ведь он с самого начала был дипломированным юристом. Однако сам себя он все больше рассматривал как политического деятеля и писателя. Деятельность адвоката всю жизнь служила ему для обеспечения основных материальных потребностей и как платформа для политически мотивированных процессов.

С крушением империи в 1918 году началась глубокая критика старого учения о государственном праве. В действительности так называемый правовой позитивизм, который постулировал некритическое соблюдение действующего права, больше не соответствовал духу времени. Неудивительно, что различные правоведы, которые обнаруживали интеллектуальное родство с духовным миром Консервативной революции, протестовали против старого метода правового пози-

тивизма. Дискуссии проходили на собраниях специалистов-юристов и в различных публикациях. Представители нового учения не хотели больше довольствоваться свободной от мировоззрения пассивностью правового позитивизма. Специалист по государственному и международному праву Эрих Кауфман открыто требовал политизации юридической жизни и включения иррациональных элементов в правоведение.

В представлениях Юнга действительность определялась «текущей жизнью». Так как право всегда должно было также обладать связью с действительностью, статические формулы правового позитивизма не могли угнаться за «настоящей жизнью»:

«Правовая норма обособляется, ведет абстрактную самостоятельную жизнь, дает шаблон, который больше не подходит ни к какой действительности, так что наоборот, всегда только действительность сначала нужно перевести в абстрактное, чтобы вообще сделать возможным применение права». Это плохое положение было, по его мнению, вызвано вытеснением динамично-германского права статично-римским правосознанием. Юнг видел шанс к повороту в преобразовании права по функциональным и динамичным критериям. Функциональная или динамичная юридическая точка зрения означала при этом, что нужно было создать живую связь между судебной практикой и реальностью. На практике это повлекло бы за собой деклассирование законов к простым директивам. В этом сценарии основная ответственность за адекватное правосудие была бы больше не у законодателя, а непосредственно у судьи. Возможность активного политического оформления права, которой требовал также Кауфман, была бы здесь возможна для судей. Преимуществом этой модели по сравнению с правовым позитивизмом был, несомненно, сильный защитный потенциал, так как неправовому государству было бы трудно объявить судейский корпус, созданный по таким принципам, простыми марионетками. С другой стороны, эта модель несет также черты анархии, так как при этих предпосылках судопроизводство утратило бы свою предсказуемость. Это, пожалуй, осознавал и сам Юнг, из-за чего он пытался смягчить этот недостаток подчеркиванием особой роли должности судьи: «Судье подобает особое положение, которое неприкосновенно во всех отношениях. [...] Нет другой профессии, которая должна проявлять более высокий моральный облик». Далее Юнг пришел к критическому выводу, что «время для фундаментального обновления правовой системы еще не наступило». Он обосновывал это отсутствием у немцев чувства «ценности». Поэтому всю эту концепцию нужно оценивать как действительно проблематичную, так как, по меньшей мере, судебный корпус должен был бы сделать идею органического и вместе с тем подчеркивающего ценность права основой своего личного кредо. Даже автор понимал, что этого невозможно было достичь в обозримом будущем.

5.2.8. Культура и искусство

«Напротив, как только культура становится цивилизацией, а изобразительное самоцелью, как только люди лишаются связи с землей и ведут жизнь больше не природы, а реторты, их творения также разрешаются. Культура умирает, когда она становится цивилизацией».

Артур Мёллер ван ден Брук

В мышлении Консервативной революции понятие культуры имело большое значение, все же, оно было метафизическим понятием, противоположным понятию цивилизации, которая воплощала дух либерализма или индивидуализма. Уже рано Шпенглер в своей историческо-морфологической конструкции описал расцвет и увядание великих культур, причем он в конце каждой культурной высокой фазы помещал цивилизацию и вместе с тем душевное разрушение. Это представление пересекается с так называемой жизненной философией, которая оценивает субъективное переживание выше, чем объективный анализ фактов. Жизненная философия в ее разных вариантах проходит по всей Консервативной революции, и таким образом ее можно обозначить как важное связующее звено между отдельными группами. В противоположность только отрицающему антирационализму жизненная философия представляла собой конструктивный элемент в мышлении Консервативной революции. Поэтому Шпенглер также не боялся возражать своим критикам: «Я с полным сознанием встал на другую сторону, на сторону жизни, а не мышления». Иррациональный культ жизни означал в этом образе мыслей одновременно также всегда одобрение «настоящей культуры».

Воззрения Юнга на культуру требуют сначала разъяснения нескольких понятий. Термин «разум» автор – в соответствии с критериями Просвещения – приравнивал к материалистически-материальной жизни. В противоположность этому «ум», по его мнению, стремился к переживанию целостности и к трансцендентности: «Разум принадлежит к миру материального, он направлен в сторону мира земного. Ум – это мышление, а разум только распознавание. Однако мышление – это больше чем распознавание. Узнающий исследует материал, мыслящий оценивает, упорядочивает и формирует». Самая большая опасность состоит в том, что разум «отравляет» дух и тем самым может отрезать его связь с Богом. На уровне отдельного человека здоровая жизнь возможна только при «согласованном созвучии» тела, души и духа. При этом душа, самый важный элемент органической жизни, больше всего находится под угрозой, если основное внимание слишком широко уделяется обоим внешним полюсам. Только при гармоничном равновесии тела, души и духа исправная душа могла бы производить культурную жизнь. На уровне общности телу соответствует природа, а духу ре-

лигия. Здесь тоже опасность состоит в том, что выходящий из берегов рационализм может помешать согласию между природой, культурой и религией, воздействие от чего, в конечном счете, уничтожит культуру. Говоря о немецком народе, Юнг констатировал, что «противоречия в немецком существе между устремленным к небу духом и тупым, варварским беспорядком сильнее и опаснее, чем у народов Запада», что стимулировало душу и вместе с тем культуру к максимальным достижениям. Мартин Лютер, музыка Иоганна Себастьяна Баха, идеалистическая немецкая философия и время классики и романтики были, например, выражением этих сил души. Юнг не рассчитывал исключительно на то, что такое искусство автоматически могло появиться из органического окружения. Скорее он намеревался прибегнуть также к средствам воспитания и цензуры:

«Если тогда вмешивается цензура – необходимая в здоровом обществе для подавления отходов свободной печатной машины, то звучит больной крик «ответственного только перед своей совестью художника» о варварском принуждении. Нет ничего противнее этого лицемерия. [...] Однако принцип воспитания, без которого человеческое общество никогда не сможет обходиться, требует искоренения мерзавцев. Только истинное искусство свободно. Однако важничающая возня деятелей искусства не защищает от принуждения, которое только одно помогает против пошлости».

Так называемое «истинное искусство» Юнг увидел в поэзии Штефана Георге. Эта тема также в сегодняшнее время пользуется действительно высокой популярностью, что выражается, например, в активной деятельности Общества Штефана Георге и благоприятном положении с источниками. Наряду с огромной силой вдохновения, которая была у Георге еще при жизни, можно заметить тенденцию повторного открытия изгнанного из немецких учебников поэта. Актуальную биографию Штефана Георге предлагает книга Томаса Карлауфа, правда, этой книге, к сожалению, недостает рассмотрения истории глубинных воздействий всего творчества поэта. Представления Георге о «Новой империи» или «Тайной Германии» как раз благодаря их эстетическо-художественному оформлению могли развить в рамках Консервативной революции вдохновляющую силу притяжения, которую не стоит недооценивать. В соответствии с этим также не могли не возникнуть попытки изобразить непрерывность между «Новой империей» Георге и Третьим Рейхом национал-социалистов. На это нужно возразить, что Георге в 1933 году отверг предложение прусского министра по делам образования и религии Бернхарда Руста назначить его президентом Академии поэзии. Далее граф Клаус фон Штауффенберг незадолго до своей казни 21 июля 1944 года воскликнул: «Да здравствует Тайная Германия», что скорее сдвигает учение Георге ближе к кругам активного сопротивления против национал-социалистического правительства.

Как уже упоминалось, также и Юнг, который подобно Штауффенбергу лишился жизни по приказу национал-социалистических властителей, был воодушевлен понятием искусства, которое воплощал Георге своей поэзией. Если в ранних работах поэта Юнг еще замечал творчество чистого художника, то самое позднее с томом стихов «Новая империя» 1928 года была пробита брешь к политическому миру. При этом языку Георге свойственно желание снова связать человеческий дух с божественным, чтобы освободить этим путь к Новой Германии:

«Если Германия – это сердце континента, то в Георге бьется сердце этой вечной более высокой тайной Германии, которая тянется через столетия, передавая свой дух от гения к гению. Из искры этого духа, из ядра этого огня возникнет – если вообще возникнет – Новая империя, которая предсказана и подготовлена в книгах предков, в истории немцев: империя, в которой Бог и тело, дух и власть, добродетель и красота снова станут единым целым».

Младоконсервативное мировоззрение в значительной степени находилось во власти иррационального, и его духовные корни достигали метафизического уровня. Понятие культуры у Георге, которое, как казалось многим наблюдателям, обладало религиозными чертами, и по своему основному содержанию едва ли могло быть понято разумом, потому наилучшим образом подходило для интеграции в Консервативную революцию. Если основой марксизма была «прибавочная стоимость», то зафиксированное в трансцендентном стремление Георге к «Новой империи» было фундаментом младоконсервативного мышления. Миф, создание которого было технически показано Сорелем, получил свое художественное оформление у Георге.

Юнг придерживался той точки зрения, что искусство должно так долго стремиться к политической борьбе, пока не будет положен конец либеральному засилью:

«Так Георге тоже пришел принести не мир, но меч – и перед просторами самой чистой красоты и блаженства, которые он открывает нам, стоит знак костра, на котором должна быть сожжена огромная грязь этого времени. Мировая война вспыхивает в поэзии Георге как великое чистилище, которому были пожертвованы многие, виновные и чистые, чтобы через эти огненные ворота новый человек вошел в царство вечного Бога».

Только если бы миф империи пришел к расцвету в реальности, искусством можно было бы снова заниматься как самоцелью – ради самого искусства.

5.2.9. Экономика

«Теперь человек, если он ведет хозяйство, будет включен в какую-либо организацию, и из этого следует основной факт: Он станет органом этой организации; и это значит в конце концов: сословная экономика вместо капитализма!»

Отмар Шпанн, 1921

В рамках Консервативной революции царило согласие относительно того, что борьба с либерализмом должна быть наивысшим приоритетом. Бройер в своем исследовании констатирует дисгармонию внутри нового консервативного мировоззрения, исходя из неоднородности в отношении уровня либеральности в экономических представлениях различных авторов.

И, в действительности, например, между национальным большевизмом Эрнста Никиша и более либеральными экономическими воззрениями кружка вокруг Мёллера ван ден Брука лежала непреодолимая пропасть. Тем не менее, ошибочно было бы приобщать различные подходы к социалистической или либеральной категории, потому что это не соответствовало бы в полной мере специфическому характеру отдельных концепций.

Экономика представляла для Юнга в первую очередь инструмент удовлетворения потребностей, так как только на основе функционирующего обеспечения основных потребностей населения возможно культурное развитие. При этом рабочая сила как главный носитель хозяйственной деятельности всегда тесно связана с «кровью и почвой», вследствие чего так называемая мировая экономика казалась Юнгу «оторванной от жизни» и «вредной для народа»:

«Человек, который как рабочая сила является самым важным носителем экономики, остается укорененным в своей крови и своей земле. Еще никогда не существовало культуры всего человечества, никогда еще не было всемирного государства. Откуда тогда должна была взяться мировая экономика?» Эта обоснованная народно-национальным («фёлькиш») мировоззрением критика глобализации показывает границы либеральности, так как один из главных признаков либеральной экономической политики – всемирная свободная торговля – представляется однозначно несовместимым с экономической концепцией Юнга. Также на уровне национальной экономики Юнг был самым острым критиком капиталистической экономики. Однако речь у него шла не о том, чтобы преодолеть проблему капитализма с помощью коллективизма, как это предлагал марксизм, а о том, чтобы подойти к делу с духовной стороны: «Сущность капиталистической эпохи состоит преимущественно в том, что в центре экономики стоит больше не человек, а деньги». Итак, Юнг стремился перестроить не хозяйствен-

ную деятельность саму по себе – например, согласно социалистическим предпосылкам – а принципиально изменить отношение человека к работе в соответствии с принципами универсализма. Ввиду критических по отношению к профсоюзам отзывов автора эти его мысли вполне могли быть восприняты с благосклонностью в экономических кругах Веймарской республики. Но было бы слишком большим упрощением просто наклеить на представленную здесь экономическую систему ярлык «либеральной». Так как хотя здесь и можно отметить несколько линий пересечения между либеральным капитализмом и органической экономикой, последняя, тем не менее, представляет специфическую самостоятельную форму, которую мы детальнее рассмотрим ниже.

Подчеркивание народно-национальных предпосылок в желаемой экономической системе уже позволяет предположить особое положение крестьянства. И действительно Юнг видел одну из основных проблем в миграции неимущего деревенского пролетариата: «Когда возник деревенский пролетариат, неимущему избытку населения подарили свободу перемещения и свободный договор зарплаты. Безродность, ежедневный страх за свое существование и душевное расстройство – вот истинное лицо этого подарка». Автор видел решение этой проблемы в радикальном сокращении государственных социальных выплат и одновременном содействии собственности. Только таким образом личность и самостоятельность снова укрепились бы, и вместе с тем снова появилась бы связь между собственным и общим благосостоянием. Не подлежит сомнению, что в таком сценарии не осталось бы места для традиционных конфликтов между рабочим классом и руководителями экономики. На место партийных и профсоюзных организаций на производстве должна была прийти «заводская общность» (единый коллектив предприятия). При этом работники и работодатели должны были бы вместе разрабатывать свою собственную экономическую конституцию. Государство должно было ограничиться, между тем, чисто контролирующей функцией. Юнг, вопреки своей склонности к народно-национальным идеям, отвергал ту враждебность к технике, которую столь часто разделяли в кругу «Фёлькише»:

«Это неверно, что машина обязательно должна лишить человека души; этого никогда не случится до тех пор, пока человек остается господином машины. Если он сознает, что он – властитель машины и что задача машины – облегчить работу человека, то машина даже может содействовать воодушевлению».

Автор, конечно, сознавал, что промышленный способ производства полностью противоречит органическому экономическому мышлению. Однако он был в достаточной степени реалистом, чтобы придерживаться определенных границ в этом тематическом поле. При этом, конечно, играла свою роль и мысль о том, что не стоит отпугивать немецкую экономику слишком утопическими проектами.

Юнг видел настоящего главного врага также не в способе производства, а в оторванном от реальных ценностей финансовом капитале.

В заключение остается заметить, что в органической экономике не последовали бы никакие существенные изменения в способе производства и отношениях собственности. После ликвидации профсоюзов было предусмотрено создание заводской общности, что, в принципе, означало бы самоуправление с минимальным государственным надзором. На этой основе социалистические аксиомы должны были преодолеваться при крупномасштабном расширении собственности:

«Не денежная пенсия делает довольным, а собственность, которая оживляет здоровое чувство владения и радость собственности, которые дремлют в каждом человеке. Его нужно поставить в такое положение, чтобы он мог сам выращивать и пожинать плоды своего труда. Есть только одна форма собственности, которая выполняет все эти условия: земельное владение».

Несмотря на острую критику международного капитализма и народно-национальную ориентацию, концепция Юнга, в общем и целом, остается очень дружественной по отношению к экономике. Соответствующим образом Юнг получил положительный резонанс также из экономических кругов: «Ваша книга, без всякого сомнения, когда-то в будущем окажет нам большие услуги при создании промышленных коллективов сотрудников нового экономического духа, как мы это планируем».

5.2.10. Между демографической политикой и «расовой гигиеной»

«Если Германия хочет сохраниться чистой, она должна извергнуть чужие соки из себя, а немецкая душа должна удерживать драгоценное нордическое украшение ее бытия».

Герман Шварц, 1929/30

Пятая часть основного произведения Юнга, которая рассматривает политику в области народонаселения, написана в очень реалистическом, прикладном ключе, что подчеркивает амбиции автора серьезно вмешиваться в политический процесс. В начале своих соображений Юнг поставил судьбоносную задачу Германии: обновить Европу в соответствии с принципами универсализма и начать «Новое средневековье». Только растущий народ мог бы иметь возможность формировать историю. Материальному росту угрожает недостающая духовность, что отразилось, в конечном счете, на отрицательном коэффициенте рождаемости: «Не войны уничтожают народы; добровольная бесплодность, этот жалкий

грабеж общества [...], этот смертный грех в буквальном смысле слова против самых священных законов всего живого, заставляют народы покидать сцену истории». Для иллюстрации демографической проблематики Юнг воспользовался многочисленными статистическими графиками и таблицами, вследствие чего эта глава в целом выпадает из основной философской ориентации произведения. Исследование Юнгом причин происходящего пришло к выводу, что в падении рождаемости виновны не только последствия либерального духа, как, например бегство крестьян из деревни, но что и социальная политика тоже несет за это ответственность. По его мнению, она заботилась исключительно об отдельных индивидуумах уже наличествующей «народности» и недостаточно обращала внимание на вопрос воспроизводства. Юнг исходил из того, что народы находятся в постоянной ожесточенной конкуренции друг с другом. Только с помощью достаточного коэффициента рождаемости можно сохранить собственные границы, а также снова восполнить возможные вызванные войной человеческие потери: «Поэтому только народ с большой рождаемостью может перенести кровопускание войны. Однако ему уже изначально будет угрожать гораздо меньшая опасность столкнуться с войной, чем народу с маленькой рождаемостью. Потому что многочисленный народ значительно меньше соблазняет своих соседей к расширению своих территорий». Чтобы противостоять тенденции уменьшения населения, Юнг предлагал самые различные меры, например, налоговые льготы для многодетных семей или ограничения свободы перемещения, чтобы остановить урбанизацию, которая ведет к более низкой рождаемости у городского населения. Наряду с этими скорее реалистическими соображениями тематика «качества народа» или «расовой гигиены» также заняла много места в книге. Юнг неоднократно был жертвой нападок, использовавших в качестве аргументов приписывание ему принадлежности к «нечистой расе», так что он посчитал себя вынужденным защищаться с помощью наступления:

«Не желая решиться на трудное определение того, что является арийской кровью, я хотел бы прояснить, что распространенное представление о том, что в моих жилах течет семитская кровь, полностью ошибочно».

Уже в 1925 году эта тематика, по-видимому, была для него настолько важна, что Юнг получил официальное подтверждение своего генетического происхождения: «Я своевременно подготовился к этому беспомощному политическому способу ведения борьбы и в 1925 году попросил Мюнхенский участковый суд подтвердить мое арийское происхождение через «Фёлькишер Курьер»».

Понятие расы постоянно употреблялось в кругах Консервативной революции, тем не менее, его определение сильно различалось у разных авторов. Следует различать понимание расы, использующее чисто биологические аргументы, и другой способ интерпретации, который понимает расу только как метафору ду-

шевной конституции людей. Шпенглер самым резким образом атаковал «расовый бред «Фёлькише», так как ему казалось абсурдным, что слой вождей может возникнуть путем биологической селекции. Совсем иной была оценка Эрнста Никиша, который, ссылаясь на учение об упадке рас графа Артюра де Гобино, развивал народно-национальные представления. Так «германская основная субстанция» находилась якобы под угрозой романских расовых влияний, что выразилось в появлении населяющих города людей цивилизации.

Но как можно определить место Юнга между этими обеими крайними позициями? В соответствии с основной сутью идей «Фёлькише» Юнгу не был чужд биологический подход к расово-теоретическим вопросам. Так он писал в своем основном труде:

«Сумма наследственных признаков – это как бы материальная питательная среда, на которой возникает природа, которой она определяется в своих основах и никогда не сможет выйти за пределы своих возможностей. Если бы, например, немецкие дети вообще больше не рождались, и все немецкие семьи усыновляли и удочеряли бы китайских детей, то в силу обычаев и традиций немецкая культура в лучшем случае продержалась бы всего еще несколько поколений».

Из этой цитаты однозначно следует, что понятие расы у Юнга всегда включало также гены в материальном смысле. В противоположность понятию расы у национал-социалистов Юнг, однако, не видел блага в достижении расовой чистоты. «Чистым расам» скорее свойственна тенденция к близкородственному размножению и отсутствию культуры. Тем не менее, в каждой расе есть «ценные» и «менее ценные» элементы, что обосновывает необходимость управляемой «расовой гигиены». Основываясь на генетической теории Грегора Менделя, Юнг разрабатывал точные представления о конкретной форме этих «мероприятий»:

«Не то, чтобы людей могли бы спаривать друг с другом, как, например, лошадей, однако, народная общность наверняка в состоянии облегчить рождение и воспитание детей носителям ценных наследственных качеств. С другой стороны, она с помощью запрета брака и стерилизации явно генетически неполноценных людей, очевидно, может привести к затуханию угрожающей телу народа наследственности».

Даже если Юнг дистанцировался от «чисто механического» подхода Чарльза Дарвина, эволюционная теория последнего попала в «Господство неполноценных». Так, по его мнению, дошло до истинного негативного отбора, вследствие чего «высококачественное» все больше выталкивалось в сторону. Этот социально-дарвинистский подход к демографическим вопросам, который тесно свя-

зан с расово-биологическими предпосылками, занимает определенное особое положение в Консервативной революции. Если не говорить о Никише, то большинство других авторов, как например Шпенглер, Юнгер и Мёллер демонстрируют подход, менее ориентированный на идеи «Фёлькише». Удивительно, что Юнг ссылался также на «механистические» концепции из естествознания (Дарвин, Мендель) и статистики, что никак не может по-настоящему гармонировать с метафизическими основами и программой органического роста. Здесь проявляется, что как раз в одной из реалистических глав его основного произведения резко расходятся философские претензии и действительность.

5.2.11. Внешняя политика

«Нет никакой другой политики, кроме той, которая активна. И, в свою очередь, нет никакой другой политики, кроме внешней политики. Внутренняя политика – это администрация – и то, что следует из нее. Но внешняя политика – это государственное руководство – оно проводит государство между другими государствами».

Артур Мёллер ван ден Брук

Как уже указывалось выше, концепция органического государства включает тенденцию к сокращению до минимума ответственности государства, чтобы этим укрепить структуры самоуправления. Из этого исключена сфера внешней политики, которая должна была быть доверена «наивысшему сословию». Внешняя политика кайзеровской империи была в высшей степени подчинена «индивидуалистическому духу», что проявилось в тупом империализме пангерманистов и в космополитизме пацифистов. Империя растрачивала свои силы в бесцельной колониальной политике, что вело только к тому, что вызывало неудовольствие других наций. Во внешней политике с глобальными намерениями Юнг видел мало смысла, так как вследствие этого силы «народного духа» просто зря израсходовались бы, как это произошло, например, с потоком немецких иммигрантов в Америку. В этом отношении имела смысл только европейская перспектива: «Романтичная Нибелунгова верность преграждала политике Германской империи данное ей судьбой восточное направление немецкой политики, которое должно стать континентальной политикой». Основой для этой восточной ориентации был тот факт, что как раз в восточной части Европы на территориях чужих государств жило очень много этнических немцев. После крушения 1918 года эта ситуация все больше обострялась. Поэтому проблематика меньшинств зарубежных немцев заняла, само собой разумеется, важное место в Консервативной революции. Но также и вне правоконсервативных кругов эта тема была сверхактуальной. Это не в последнюю очередь доказала полная эйфории поддержка широких кругов немецкого населения мероприятий рейхс-

канцлера Гитлера, приступившего к решению проблем меньшинств зарубежных немцев с использованием военных средств.

Однако наряду с дисгармонией государственных и этнических границ для Юнга имела значение и историческая восточная колонизация, так как она служила мифическим образцом ушедшего мира, метафизическое содержание которого следовало снова оживить. При этом эта восточная ориентация ни в коем случае не ограничивалась одним Юнгом. Стремления такого рода можно найти у Мёллера, который видел большой потенциал в «неизрасходованных, молодых народах» Востока, у Штапеля, который хотел наступательным путем экспортировать предполагаемое культурное превосходство немцев на Восток, и в работах Никиша, видевшего «возможность очищения» от романских влияний в «бракосочетании» германской и славянской рас.

Народно-национальный подход служил Юнгу, однако, не только для критики прошлых и ныне существующих внешнеполитических отношений. Автор исходил из того, что немецкая народность – это земное появление божественного существа. И потому немцы предопределены для того, чтобы принести новый порядок также чужим народам:

«Кроме того, однако, он осознает также необходимость возвышающегося над собственным народом порядка. Всеохватывающий опыт обязывает его не к работе ради блеклого понятия человечества индивидуалистического вида, а к созданию более высокого порядка в жизни народов, в котором видна целостность, сначала народов того же пространства и переплетенной истории».

Из-за более развитого «душевного богатства» в сравнении с другими народами немцы призваны к тому, чтобы создать новый европейский порядок, который характеризуется не принципами Просвещения, а стремлением к религиозности.

Основной целью внешней политики у Юнга было связывание собственных «народно-национальных» сил и преобразование Европы, которое должно было сначала охватить восточное пространство. При этом, по мнению Юнга, пересмотр государственных границ был неизбежен. Только присоединением немецкой Австрии и приведением государственных границ в соответствие с народными (этническими) границами можно было бы заложить фундамент для империи будущего: «Но освобождение немецких пограничных территорий и их воссоединение с немецким государством является настолько естественным требованием, что оно не требует обоснования. Нельзя допустить, чтобы они подвергались дегерманизации дольше, чем это необходимо». Здесь мы видим удивительную параллель с внешнеполитическими мероприятиями, которые проводило имперское правительство после расстрела Юнга с 1934 по 1939 годы. Разумеется,

было бы ошибочным из этих процессов, последовавших уже после смерти Юнга, делать вывод о принципиальном совпадении его теоретических мыслей с практической национал-социалистической внешней политикой. В то время как реалистическая политика национал-социалистов относительно их восточных соседей исходила из примата военной силы, Юнг хотел обосновать право Германии на лидерство духовно-культурными причинами и выступал за самоуправление других народов: «Углубленная любовь к собственному народному духу через осознание того, что в каждом народе воплощена более высокая личность, также обязательно ведет к уважению чужого народного духа и к стремлению к более высокому правопорядку среди народов». Юнг резко отвергал немецкую поселенческую политику на «заселенных чужими народами территориях», так как это только привело бы к разладу между народами. Однако было бы неверно видеть в младоконсервативном мышлении Юнга пацифистские черты. Пронизывание духа волей к власти, которую в случае необходимости нужно осуществлять также воинственными средствами, всегда играло важную роль. В мире представлений Консервативной революции человек может принципиально быть или добрым или злым. В таком мировоззрении коренным образом отвергается эгалитарная утопия обращения масс к коллективному добру с помощью воспитания и построения нового общества. Эта пессимистичный взгляд на человека включает возможную необходимость военного конфликта. Борьба при этом, однако, является не целью мировоззрения, а необходимым инструментом для защиты собственного «права на жизнь». Эти взгляды едва ли можно согласовать с христианским учением о любви к ближнему. Если бы Юнг смог прийти к тому, чтобы точнее конкретизировать свое представление о христианстве, то он, пожалуй, был бы вынужден отвергнуть классическую систему взглядов христианской догмы. Это странно в том отношении, что имперская мысль часто связывается с традиционным христианством. Но в случае Юнга эта связка не могла удержаться. Империя как наивысшая форма выражения немецкой внешней политики должна была создаваться не на основах линейной, теологической философии истории, а получить свое обоснование из некоей духовности, фактическую форму которой Юнг обозначил в своих трудах только в самых общих, расплывчатых чертах.

6. ПОЗДНЕЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ЮНГА

6.1. Объяснение смысла немецкой революции

««Объяснение смысла немецкой революции» стало началом борьбы Эдгара Юнга против Гитлера».

Карл Мартин Грасс, 1966

«Объяснение смысла немецкой революции» – это самый важный труд Юнга после «Господства неполноценных». В отличие от более ранних работ Юнга это компактное произведение ориентировалось больше на актуальные политические процессы, что выражалось в том, что национал-социалисты не признавались единственными руководителями и творцами немецкой революции. Автор преследовал своей книгой конкретную политическую цель, которая сводилась к тому, чтобы снова вернуть консервативным силам влияние на преобразование Германии. Насколько эта задача была важна и дорога Юнгу, показывали его усилия относительно сбыта книги и попытка попросить Муссолини написать для книги предисловие.

Юнг в своих более ранних статьях и книгах снова и снова указывал на необходимость защитить душу от руководимого разумом духа. На эти идеи сильно повлиял Людвиг Клагес, который считается одним из самых влиятельных представителей жизненной философии. Однако в идеологическом подстрекательстве душевного против духовного Юнг в революционной ситуации 1933 года увидел потенциальную опасность:

«Всеми революционерами, также и мной, немецкая революция была охарактеризована как восстание крови и души против интеллекта и доктрины. Ссылаются на борьбу «души» против «духа» (Людвиг Клагес), на Ницше, на романтиков, и вот уже инстинктивное прославлено, а духовное воспитание ославлено. То, что противопоставление духа душе как ее противника является только полемическим, может восприниматься только диалектически, но не фактически, тогда легко упускается из виду».

Юнг настаивал на более умеренном и близком к реальности истолковании своей политической философии. Из-за политических успехов национал-социалистов он видел, как «немецкий дух» все больше переходит к обороне. Революцию можно было бы удержать под контролем только с помощью осторожной дозировки инстинктивных элементов. Здесь становится очевидным, что Юнг ввиду возрастающего инстинктивного фундаментализма теперь пытался начать стратегию нормализации. Лежащему в основе этого намерения ходу мысли имманентна резкая критика национал-социализма. Настоящая революция могла бы

развить свою действенность только через симбиоз стихийного перелома и духовного фундамента. Тем самым косвенно отрицается способность национал-социалистического движения к развитию духовных основ, так как оно, мол, не было чем-то большим, нежели «социальным восстанием».

Далее Юнг утверждал, что немецкая революция питается из двух источников: с одной стороны, из консерватизма, который стремился к «жизненному обновлению», с другой стороны из национализма, который хотел бы, прежде всего, породить «новый политический порядок». Параллельно к персональному политическому изменению Юнга национализму свойственна склонность отказываться от либерального принципа и переходить в цельный консерватизм. «Революционный консерватизм», благодаря непрерывному созидательному труду таких людей, как Мёллер ван ден Брук, фон Гляйхен, Бём и Штапель, заложил настоящий фундамент «немецкой революции». Консерватизм в противоположность поверхностному национализму фиксируется не только на внутреннюю часть, но имеет общеевропейское измерение. Только консервативный принцип мог бы вызвать тот симбиоз духа и политики, к которому чистый национализм как лишенная сущности форма мыслей никогда не сможет прийти. Поэтому необходимо разрезать связь между государственным руководством и народным движением, чтобы провести революцию сверху, ориентированную на консервативные принципы. Относительно антиеврейской политики национал-социалистического правительства Юнг констатировал, что фронтальные атаки на евреев бьют мимо цели и противоречат христианскому чувству справедливости. Скорее нужно разбить либерализм как питательную среду еврейского космополитизма» и решить с помощью этого «еврейскую проблему» в цивилизованной манере:

«Автор уже много лет тому назад пришел к выводу, что с еврейским вопросом можно справиться только при наличии воли сломать относительное еврейское доминирование в Германии, и что для достижения этой цели следует атаковать и устранить предпосылку этого доминирования. Однако этой предпосылкой является либеральная структура нашего общественного устройства и государственного порядка».

Эта форма антисемитизма представляла собой не только личную точку зрения Юнга. Скорее речь у автора шла о том, чтобы разоблачить агрессивные нападки СА и НСДАП на евреев как проявление либерального мышления и тем самым представить национал-социализм как временное явление.

Относительно начавшихся процессов унификации («гляйхшальтунг») в Германской империи позиция Юнга была противоречивой. Он не отвергал унификацию в принципе, но считал, что ее цель должна ограничиваться лишь устранением либерализма: «С другой стороны, однако, унификация не может выходить за

пределы устранения этой либерально-механистической мишуры. В противном случае она приблизится к государственному тоталитаризму и станет оказывать влияния на автономные сферы жизни, то есть будет воздействовать не как оживляющая, а как враждебная жизни».

То, что Юнг отказывался от того, чтобы отвергать национал-социалистические мероприятия в целом, было связано, несомненно, также и с тактическим расчетом. Но также и латентная склонность Юнга ставить на тоталитарные средства для создания органического общества, здесь снова становится совершенно ясной. Но решающим здесь является то, что автор выдвинул на передний план временный, в конечном счете, характер внутренней политики Гитлера: «При этом становится понятно, что унификация может быть только революционным переходным мероприятием, но отнюдь не конечной целью».

Культ труда, как он выражался в национал-социализме, например, в имперской трудовой повинности или в торжествах ко «Дню немецкого труда» (1 мая), Юнг воспринимал критически. Каким бы элементарным ни был труд, но он сам по себе не смог бы создать фундамент новой аристократии. Работа, целью которой были бы лишь экономические предпосылки и принцип достижения результатов, в действительности стала бы только инструментом буржуазного мира. Новый благородный слой смог бы развиваться на духовных и биологических основах, причем относительно биологических «возможностей выведения» национал-социалисты значительно переоценивали потенциал. Аристократия характеризуется скорее не полезным и целесообразным, а стремлением к «подобию образу Божьему». При этом потенциал достижений аристократии мог бы рассматриваться в качестве естественного и второстепенного. Гораздо более важным было то, что представлял человек с его личностью: «Помимо принципа достижений действует также – и в этом заключается самое важное требование Консервативной революции – принцип бытия. [...] Из бытия происходит историческое, духовное, художественное действие». Под «элитой» Юнг понимал человеческий тип, который действует по принципу, ориентированному на достижения. Национал-социализм в настоящее время воспринял это понимание элиты, однако владеет достаточным потенциалом, чтобы в будущем проложить дорогу аристократии. Юнг продолжал здесь свою аргументацию, в которой он характеризовал национал-социализм как временное явление.

В «Объяснении смысла немецкой революции» можно увидеть, в общем, тенденцию к подчеркиванию христианства. Но было бы ошибочно сделать из этого вывод о принципиальном изменении в мировоззрении Юнга. Поздняя публикация Юнга предлагает скорее краткое резюме тезисов, которые уже были представлены в «Господстве неполноценных». Ход «немецкой революции» очевидно сделал необходимым сильнее подчеркнуть элемент христианства. Требования

Юнга в областях демографической политики и культуры, например, в его позднем творчестве в значительной мере ушли на задний план. Так что автор не сделал принципиального поворота в его мировоззрении, но попытался повернуть ход истории в «позитивном направлении». Христианство получало при этом важную функцию. Только живое христианство могло бы противопоставить духовный бастион культу религиозной политики, в том виде, как она выражалась в марксизме, а также в напоминающих богослужения национал-социалистических массовых митингах. Кроме того, конфессиональное деление Германии на две части делало бы тоталитарное государство невозможным, так как в Германии просто не существовало необходимой для этого гомогенности. Эту аргументацию Юнг использовал против религиозно-тоталитарных претензий национал-социалистического движения к церкви. С тактической точки зрения это было единственное последовательное решение, так как обе большие конфессии были единственными влиятельными группами в Германии, которые не принадлежали традиции либерализма и могли считаться относительно невосприимчивыми к унификации. Юнг, который, по мнению автора, обладал совершенно искренней религиозностью, как уверенный в своих инстинктах политик слишком хорошо знал, когда он должен был особо подчеркнуть эту часть своего взгляда на мир.

6.2. Марбургская речь

«Марбургская речь Папена была самой острой публичной критикой, которую национал-социализм когда-либо испытал в Германии в таком объеме и с таким широким воздействием от одного из ведущих людей».

Карл Мартин Грасс, 1966

Приход к власти национал-социалистов в 1933 году стал для Юнга большим разочарованием. Теперь для него не было больше возможности через сотрудничество с кабинетами министров вмешиваться в ход событий. После 30 января 1933 года свободное поле действий для Юнга все больше сужалось из-за начавшегося процесса унификации. Исключением внутри государственной администрации оставалось бюро вице-канцлера фон Папена, которому в значительной степени удалось уклониться от влияния национал-социалистов. Юнг решил использовать это ведомство как платформу для атаки на национал-социалистическое государство, что привело к написанию им так называемой Марбургской речи, которую фон Папен 17 июня 1934 года произнес перед Университетским союзом в Марбурге. Правительство почувствовало себя настолько уязвленным этой речью, что имперский министр Йозеф Геббельс запретил всем немецким радиостанциям ее трансляцию. В типографии издательства «Germania» произошла попытка конфисковать остаток тиража, и лишь газете

«Франкфуртер Цайтунг» еще удалось напечатать речь в своем вечернем выпуске.

В начале речи стояло кредо Юнга стремиться к свободе и правде не в либеральном смысле, а видеть последнюю кульминационную точку «субъективной правды», правдивости в стремлении к Богу. Эта правдивость предполагала необходимость видеть меру всех вещей не в национальном опьянении захвата власти. Скорее теперь нужно было начать настоящую восстановительную работу и обратить внимание на вопиющие проблемы. Юнг постарался включить в речь «дружественные к фюреру пустые фразы», чтобы с самого начала не оказаться «вне игры» со своей аргументацией. Ведь при всеобщем воодушевлении мирной революцией у открытого вызова национал-социализму едва ли были бы шансы на успех. Несмотря на относительно сдержанные формулировки, эта речь била в саму суть режима, отказывая ему в практической монополии на революцию: «Историческая правда состоит в том, что необходимость принципиального изменения курса признавали и над ним работали также такие люди, которые боялись пути переворота через какую-либо массовую партию». Под этими людьми подразумевались, несомненно, деятели Консервативной революции. В соответствии с этим первым направлением удара Юнга было младоконсервативное требование «органического роста» в сфере народности: «Государственный деятель и политик может реформировать государство, но не саму жизнь». Национал-социалистическая партия, таким образом, должна была в соответствии с этим ограничиться только строительством государства. Но если бы она захотела впоследствии распространить свои тоталитарные претензии на народность, то она этим приравняла бы себя по существу к «враждебному жизни» большевизму. Кроме того, утверждение о том, что национал-социализм без консервативного жизненного постулата, в принципе, является дитем либерализма, тоже объясняет растерянную реакцию правителей на эту речь. Юнг также поставил под сомнение самопонимание НСДАП, считавшей себя партией рабочих и крестьян: Новый социальный порядок мог возникнуть только из народного целого, а не выводиться из прав отдельных групп. Плебисцитно-демагогическую базу легитимизации новой правящей партии потому следовало отвергнуть как «враждебную жизни». Тем самым Юнг выразил свое пренебрежение к методу прихода национал-социалистов к власти – осуществленному по принципам массовой демократии. «Истинное господство» не могло выводиться из народного суверенитета, а должно было развиваться из стремления к «божественному». Заданием национал-социалистической революции должна была стать только подготовительная работа. После уничтожения парламентаризма и повышения восприимчивости масс к национальной проблематике теперь пришло время для настоящих перемен: «За этой обусловленной временем необходимостью стоит, однако, как революционная цель нечто намного большее: создание такого социального порядка, который основывается на общепринятых

органических формах, а не только на искусном владении массой». Господство НСДАП поэтому нужно рассматривать только как временное решение. Идея национального государства привела бы к «взаимному растерзанию» народов, и не может ввести в Европе подлинно новый порядок; только с помощью «народно-национального восстановления» можно достичь длительного мира.

Структура речи осознанно была выдержана в стиле «критики изнутри», чтобы не оказаться в затруднительном положении, если ее классифицируют как враждебную государству и вождю. Эта тактика, в конечном результате, провалилась, так как она все еще исходила из того, что с помощью какой-либо программной инициативы можно было внести разлад между вождем и массой. При этом Юнг недооценил свободу действий Гитлера и его готовность идти на риск, а также его популярность среди народа. В конечном счете, речь, написанию которой суждено было принести Юнгу смерть, никак не могла задержать тоталитаризацию государства. Но для будущих поколений 17 июня 1934 года останется символом консервативного сопротивления, которое по времени началось еще до военных поражений немцев во Второй мировой войне. Этот факт доказывает серьезность и бескомпромиссность, с которой Юнг защищал свое мировоззрение.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и на многих из его поколения, на Эдгара Юлиуса Юнга огромное влияние оказала военная эйфория в 1914 году. То огромное разочарование, которое вызвало крушение национального государства Вильгельма II, сегодня едва ли можно понять. Экономическая нужда, неуверенность перед лицом нового времени, чувство внешнеполитического бессилия, столкновение либерального государственного руководства с системой военной организации и пробуждение большевизма на Востоке вызвали климат, в котором «антилиберальное» мировоззрение смогло получить настоящую конъюнктуру. В этой охваченной насилием атмосфере Юнг разработал свое собственное мировоззрение, направленное против идеи прогресса. Вопреки многочисленным содержательным совпадениям между младоконсерватизмом и национал-социализмом Юнг развил в себе глубокую враждебность к Адольфу Гитлеру. Этот конфликт происходил еще из нежелания Гитлера по тактическим соображениям принять участие в пфальцском сепаратистском конфликте. Однако намного важнее могло быть то, что Юнг считал невозможным совместить тоталитарное государство Гитлера с органически-федералистски структурированной империей младоконсерваторов. Косвенное участие Консервативной революции в захвате власти НСДАП нельзя отрицать. Антилиберальная агитация, в которой также активно участвовали коммунисты, наряду с многочисленными другими факторами вызвала дестаби-

лизацию парламентской системы. Поэтому крушение парламентаризма первоначально было благожелательно воспринято в кругах Консервативной революции. Но когда они увидели, что оказались в конфликте с «меньшим злом» национал-социализма, быстро воцарилось неудовольствие. Юнг принадлежал к тем немногим, кто сохранил свои метаполитические представления в буре общенационального восторга и перешел в активное сопротивление. Однако не следует видеть главное объяснение этого сопротивления в привязанности Юнга к христианству. Противопоставление гуманистического христианства и варварского национал-социализма не объяснило бы проблему в полной мере. Юнг наверняка был воодушевлен верой в более высокую божественную власть, так как иначе вряд ли можно было бы объяснить его непреклонную политическую борьбу. Однако эта вера не имеет ничего общего с традиционным истолкованием христианства. Это был нигилизм Ницше, который провозгласил: «Бог мертв». Для этого высказывания характерна воля предать все пережитое уничтожению. Истолкование христианства согласно линейному пониманию истории, которое чертит линию от Сотворения мира до Страшного Суда, в мире идей Юнга уже могло перейти в эту волю к уничтожению. Но в Ницше нужно видеть не только глашатая отрицания: «О, вернись, мой неизвестный Бог!» Здесь становится понятно, что за уничтожением старого также всегда должно последовать новое «моральное восстановление». Как уже было представлено выше, в мышлении Юнга империя как миф обретает функцию в смысле этого «морального восстановления». Христианство при этом нужно рассматривать как метафизическую дающую смысл исходную точку, которая, восседая над империей, должна обеспечить добродетельную связь народов. Термин «христианство» в мировоззрении Юнг утратил свою первоначальную теологическую суть. Функционализировать христианство как миф в духе Сореля, имело бы то большое преимущество, что так можно было бы опереться на западноевропейские традиции, чтобы не попасть в общественную изоляцию как другие неоязыческие группы.

Неприятие Юнгом тоталитарных претензий могло бы стать более чем очевидным как раз в его позднем творчестве. Однако это не может скрыть того, что нигилистскому мышлению уничтожения Ницше на практике присущ большой потенциал насилия. Это проявляется в склонности Юнга к радикальному устранению мешающих преград, что противоречит его идеальной универсалистской структуре общества. Здесь, кажется, явно проявляется философия Ницше, которая за разрушением традиционных ценностей позволяет следовать новым этическим образцам. То, что этот образ мыслей не согласовывается с христианскими принципами, такими как «возлюби ближних своих как самого себя», не требует дальнейших объяснений. На чем должна была базироваться «новая этика» Юнга, если принцип «любви к ближнему» должен был быть извергнут из духовной жизни? Восстановление «естественного равновесия» тела, души и духа, на ко-

тором должно было основываться начало новой морали, узнаваемо в работах Георге. Почитание Юнгом этого поэта неслучайно приобрело сакральные черты.

В области экономической и демографической политики проявляется желание Юнга не только пребывать в метафизических сферах, но и предложить читателю конкретные директивы для переустройства общества. Если это было необходимо, Юнг мог мыслить даже «механистически», и поэтому также неудивительно, что его экономическая точка зрения вполне обнаруживает точки пересечения с либеральной моделью. В такие моменты в нем проявлялся «политический реалист», который был весьма способен тактически умно действовать в практической политике.

Юнг как политик всегда был представителем аристократически-духовной элиты, которая должна была на надпартийной основе достичь новой «высококачественной» эпохи. Его участие в Немецкой народной партии Пфальца можно объяснить тем, что Юнг на этой ранней фазе еще не выработал каких-либо твердых принципов. Это положение постоянно менялось после покушения на Хайнца-Орбиса. Юнг до самой смерти придерживался надпартийной позиции. Его участие в Консервативной народной партии было, как было доказано выше, чисто стратегическим. Сам Юнг видел в себе вождя духовного молодого поколения. Не говоря уже о том, что парламентаризм претил его политическому идеализму, он также видел опасность дискредитировать себя своим участием в демократических процессах. Переход от духовного вождя к творцу процессов реальной политики Юнг считал возможным только в случае глубокого революционного переворота: «Если, как уверяли меня, дело дойдет до выборов в Национальное собрание, то я буду баллотироваться в него. Тогда наступит так называемый час. Но теперь выборы стали бы, с одной стороны, ненужным риском (провала) и, с другой стороны, деградацией». Итак, Юнг вполне был готов покинуть предполитическое пространство, чтобы принять конструктивное участие в новой государственной политике. Его сотрудничество с фон Папеном нужно рассматривать, несомненно, как апогей реально-политической деятельности в его карьере. Однако, в конечном результате, как раз его идеализм не позволил Юнгу добиться какого-либо широкого влияния. Предпосылка духа не годилась для того, чтобы остановить примитивность массы. В этом отношении неудивительно, что, в конечном счете, смогла победить вульгарная стратегия Адольфа Гитлера.

Для Юнга и всей Консервативной революции характерна высокая степень мировоззренческой сложности. Богатство граней консервативных революционеров демонстрирует такой широкий диапазон, что этот философски-политический феномен невозможно понять на примере одного отдельного представителя. В отличие от марксизма, как и национал-социализма, здесь не предлагалась ка-

кая-либо пригодная для масс идеология. Тот факт, что Консервативная революция черпала свое содержание из суммы самых различных деятелей, делает еще труднее ее научное понимание. Интерпретация этого тематического комплекса, конечно, потребует работы еще нескольких поколений историков. При этом нужна в первую очередь деполитизация самого предмета исследования. Первый шаг в этом направлении сделал Мёллер незадолго до смерти:

«В своем основном произведении [...] Армин Мёллер четко разделил представителей Консервативной революции и представителей национал-социализма. Незадолго до своей смерти, однако, он самокритично констатировал, что такое разграничение проистекало, прежде всего, из его собственной потребности в разделении: на самом деле, если не говорить о вопросах стиля, между обоими направлениями вообще нельзя обнаружить настоящих мировоззренческих различий, и поэтому он согласился бы также с тем, чтобы считаться фашистом».

Тем не менее, национал-социализм обнаруживает куда большее содержательное расхождение с мышлением Юнга, чем то, которое существует, например, между мышлением Никиша и младоконсерваторов или «Фёлькише». В обособлении национал-социализма от Консервативной революции, таким образом, также всегда содержится политическое стремление к «сохранению в чистоте» консервативной идеи. Разумеется, при этом не стоит забывать, что как раз Консервативная революция так никогда и не дошла до реального политического развития. Потому вполне разумно отделять ее от движений, которые существовали реально. Тем не менее, такие соображения всегда останутся соображениями политической и академической природы, из-за чего для стремящейся к объективной правде истории было бы полезно отвести такие постановки вопроса на задний план. Основная цель научных работ в этой области всегда должна состоять в том, чтобы соединить вместе мировоззренческие, биографические и политические детали головоломки и создать на их основе общую картину, справедливую по отношению к тогдашним условиям.

8. ПРИЛОЖЕНИЕ: ДОСЛОВНЫЙ ТЕКСТ МАРБУРГСКОЙ РЕЧИ

Марбургская речь была издана в виде брошюры в типографии «Germania» как частный заказ тиражом в 5000 экземпляров. Вопреки запрету имперского правительства несколько тысяч экземпляров циркулировали внутри страны и за границей. Из внутренней прессы только газета «Франкфуртер Цайтунг» напечатала текст речи.

Марбургская речь была произнесена вице-канцлером Германии Францем фон Папеном 17 июня 1934 года в университете города Марбурга. Из-за вспыхнув-

ших впоследствии вокруг речи конфликтов фон Папену пришлось уйти в отставку с поста вице-канцлера. Настоящий автор речи Эдгар Юлиус Юнг был арестован 25 июня и застрелен спустя несколько дней, вероятно, в ночь на 1 июля, в ходе подавления Путча Рёма. Приведенный ниже дословный текст соответствует изданию «Речь вице-канцлера фон Папена перед Университетским союзом» (Берлин, Germania AG, 1934).

Марбургская речь

Дословный текст

21 февраля 1933, итак, в те бурные дни, когда национал-социализм приступил к своему господству в Германской империи, я попытался в речи перед берлинским студенчеством разъяснить смысл наступления новой эпохи. Я говорил – так излагал я тогда – в месте, которое посвящено исследованию правды и духовной свободе. Тем самым я не хотел бы говорить о своей приверженности либеральным представлениям о правде и свободе. Последнюю правду знает только Бог, и поиск ее только с этой исходной позиции приобретает свой последний смысл. Я продолжу мои тогдашние размышления сегодня, где мне снова позволено стоять на академической земле – в жемчужине средневековья, в городе Святой Елизаветы, и добавлю, что даже если идеал объективной правды может быть бесспорным, то от нас, немцев, требуется долг субъективной правды, то есть, правдивости, и мы не хотим отказываться от самой элементарной основы человеческого благонравия. Поэтому это посвященное науке место кажется мне особенно подходящим, чтобы отчитаться о правдивости перед немецким народом. Так как голоса, которые требуют, чтобы я занял принципиальное положение относительно немецких текущих событий и ситуации в Германии, становятся все многочисленнее и настойчивее. Говорят, что я через устранение Веймарского прусского режима и объединение национального движения принял такое решающее участие в немецком развитии, что я обязан наблюдать за этим развитием внимательнее, чем большинство других немцев. У меня нет намерения уклоняться от этой обязанности. Наоборот – мое внутреннее обязательство

Адольфу Гитлеру и его делу настолько велико, и я так сильно привязан кровью моего сердца к начавшемуся обновлению Германии, что для меня было бы смертным грехом с точки зрения и человека, и политика не сказать того, что необходимо сказать на этой решающей стадии немецкой революции.

События последних полутора лет охватили весь немецкий народ и оказали на него глубокое влияние. Нам кажется почти сном, что мы смогли найти выход из долины печали, безнадежности, ненависти и раскола, вернувшись снова к общности немецкой нации. Огромное напряжение, в котором мы жили с августа 1914, исчезло, и из него вновь поднимается немецкая душа, перед которой проходит славная и, все же, такая болезненная история нашего народа, от легенд о немецких героях до траншей Вердена, и даже до уличных боев наших дней.

Неизвестный солдат мировой войны, который завоевал сердца своих соотечественников с пленительной энергией и с непоколебимой верой, освободил эту душу. Со своим фельдмаршалом он поставил себя на вершину нации, чтобы открыть новую страницу в немецкой книге судьбы и восстановить духовное единство.

Мы испытали это единство духа в опьянении тысяч демонстраций, знамен и праздников нации, снова нашедшей саму себя. Но теперь, когда воодушевление поутихло, и стала необходима тяжелая работа над этим проектом, оказывается, что очистительный процесс такого исторического масштаба производит также шлаки, от которых он должен быть очищен. Такие шлаки есть во всех сферах нашей жизни, в материальной и духовной. Заграница, которая смотрит на нас с недоброжелательством, указывает пальцем на эти шлаки и объявляет их серьезным процессом разложения. Ей не стоит слишком рано радоваться, так как если у нас хватит энергии, чтобы избавиться от этих шлаков, тогда мы как раз этим лучше всего докажем, насколько мы внутренне сильны и насколько решительны, чтобы не позволить исказить путь немецкой революции. Мы знаем, что слухи и нашептывания нужно вытащить из темноты. Открытое и мужественное высказывание принесет немецкому народу больше пользы чем, например, «бесклапанное» состояние той прессы, о которой господин имперский министр народного просвещения и пропаганды сказал, что у нее больше нет «лица». Этот недостаток, без сомнения, существует. Пресса, собственно, существует для того, чтобы уведомлять правительство о том, куда пробрались недостатки, где угнездилась коррупция, где совершаются тяжелые ошибки, где неподходящие люди находятся на неправильных постах, где грешат против духа немецкой революции. Анонимная или тайная разведывательная служба, как бы превосходно она ни была организована, никогда не в состоянии заменить эту задачу прессы. Так как редактор находится под законной и соответствующей его совести ответственностью, а анонимные поставщики сообщений, напротив, неконтролируемы

и подвержены опасности низкопоклонства. Если, однако, призванные органы общественного мнения недостаточно рассеивают таинственную темноту, которая, кажется, распространилась в настоящее время над настроением немецкого народа, то сам государственный деятель должен вмешаться и назвать вещи своими именами. Такой подход должен доказать, что правительство достаточно сильно, чтобы вынести серьезную критику, что оно помнит о старом принципе, что критику не выносит только слабый человек.

Если заграница утверждает, что в немецких землях, мол, умерла свобода, то из открытости моих размышлений она должна узнать, что немецкое правительство может позволить себе по собственному почину поставить на обсуждение животрепещущие вопросы нации. Однако такое право получает только тот, кто безоговорочно предоставил себя в распоряжение национал-социализма и его дела и доказал ему свою лояльность. Эти вступительные слова были необходимы, чтобы указать, в каком духе я подхожу к моей задаче откровенно отчитаться о немецком положении и о немецких целях. Теперь позвольте мне кратко очертить положение, каким я нашел его, когда судьба сделала меня одним из ответственных за руководство немецкой судьбой.

Государственные авторитеты находились в упадке и были не в состоянии справиться с разложением всех естественных и желанных Богу связей. Нехватка руководящей силы и энергии достигла такой степени, которая все больше усиливала желание твердой руки в немецком народе. Оппозиция фронтового поколения и молодежи стала непреодолимой. Распространение рокового малодушия соответствовало всеобщему расколу на партии. Безработица росла, и с нею рос социальный радикализм. То, что с этими бедами можно было справиться не маленькими средствами, а духовным и политическим переворотом, видели не только правые группы немецкого народа, в первую очередь, Национал-социалистическая рабочая партия Германии, но таковым было общее представление всех не связанных с партиями лучших представителей нашего народа. Переоценка всех ценностей, как говорит Ницше, была как раз подготовлена в духовном плане, и поэтому несправедливо, если справедливая борьба против определенного «интеллектуализма» сегодня переделывается в борьбу против «духа» вообще. Историческая правда состоит в том, что необходимость принципиального изменения курса признавали и над ним работали также такие люди, которые боялись пути переворота через какую-либо массовую партию. Поэтому претензия на революционную или национальную монополию для определенных групп кажется мне преувеличенной, не говоря уже о том, что она мешает народной общности.

17 марта 1933 года в Бреслау я указал на то, что в послевоенные годы развился вид консервативно-революционного движения, который отличался от национал-социализма, по сути, только тактикой. Так как немецкая революция боролась

против демократизации и ее роковых последствий, то новый консерватизм последовательно отвергал любую дальнейшую демократизацию и верил в возможность устранения плюралистских сил сверху. В отличие от этого национал-социализм сначала прошел по пути демократии до конца, чтобы затем оказаться перед отнюдь не легким вопросом, как нужно воплотить идеи безусловного руководства, полного авторитета, аристократического принципа отбора и органического народного порядка. История признала правоту национал-социалистической тактики, осознание чего побудило консервативных государственных деятелей к союзу с национал-социалистическим движением в те часы в начале 1933 года.

Об этом следует помнить, когда сейчас слишком рьяные, иногда даже слишком юные революционеры под лозунгом «реакционного» хотят отвергнуть также тех, кто в полном сознании подчинил себя задаче, которую перед ними поставило время. Так как для настоящего политика возможны только следующие главные принципы: Он может не осознавать требований времени, и потерпеть неудачу из-за этого недостатка; он может противиться ходу времени и поэтому проиграть; однако, он может стать поборником того, что нужно сделать непреклонно и таким образом исполнить приказ истории. Кто принял эту позицию, тот поднялся над пустыми лозунгами, в частности, над лозунгом «реакции», который, впрочем, подозрительно напоминает о уже преодоленных, слава богу, марксистских временах.

Кроме того, государственный деятель должен ясно осознавать еще и второе требование, а именно то, что наступление новой эпохи является тотальным, то есть, охватывает и изменяет все проявления и условия жизни; но что на этом величественном фоне происходят процессы переднего плана, к которым только и может применяться понятие политики. Государственный деятель и политик может реформировать государство, но не саму жизнь. Задачи реформатора жизни и политика принципиально различны. Исходя из понимания этого, вождь в своем произведении «Моя борьба» объяснил, что задача движения это задача не религиозной реформации, а политической реорганизации нашего народа. Поэтому наступление новой эпохи как тотальное понятие до определенной степени уклоняется от государственного придания формы. Не всю жизнь можно организовывать, так как в противном случае ее механизируют. Государство – это организация, жизнь – это рост. Разумеется, между жизнью и организацией существуют связи и взаимодействия, однако, у них есть границы, которые нельзя преступать без опасности для жизни. Так как существо революции состоит как раз в том, что живой дух атакует механику. Поэтому большевизм – это не настоящая революция двадцатого века, а восстание рабов, которое хотело добиться окончательной механизации жизни. Настоящая революция двадцатого века – как я уже говорил в моей речи в Берлинском университете – является революцией героической и связанной с Богом личности против неживых оков,

против подавления божественной искры, против механизации и коллективизации, которая не является ничем иным как последним вырождением буржуазного либерализма. Коллективизм – это индивидуализм массы, которая больше не хочет Всего, а только лишь себя самой.

Как возникает и растет в народе новое чувство времени, об этом, как правило, очень мало знает тот, кто сам стоит на переломном рубеже. Ему нелегко понять смысл такого поворота. Но насколько мы знаем из истории, революция – это в какой-то мере только политический штемпель на представленном историей документе. Произрастает новый человек как результат наступления новой эпохи; государство, напротив, должно формироваться человеческим разумом. Пожалуй, государство формирует также и человека, однако, было бы иллюзией предполагать, что фундаментальное изменение человеческого чувства ценности могло бы быть произведено государством. Так, государство может способствовать, пожалуй, пониманию истории и заботиться об его унификации. Но оно не может командовать им. Ведь это понимание истории происходит из мировоззрения, которое коренится по ту сторону государственного. Оно также базируется на точном исследовании, неуважение к которому всегда отомстит. Когда я думаю о проблеме истолкования истории для современности, то я с удовольствием вспоминаю вопрос, который обычно задавал мне мой профессор истории: «Как развивалась бы немецкая история, если бы Фридрих Великий женился на Марии Терезии?»

Смысл наступления новой эпохи ясен: Речь идет о решении между верующим и неверующим человеком, речь идет о том, должны ли секуляризироваться все вечные ценности или нет, приведет ли процесс секуляризации, осквернения, который начался несколько веков назад, к лишению божественного человеческого духа и вместе с тем к разрушению какой-либо культуры, или же вера в трансцендентность и вечный мировой порядок снова коренным образом определит чувства, мысли и действия людей. На этом историческом фоне совершается также политический процесс немецкой революции. У государственного деятеля, таким образом, есть задание отбросить гнилые формы и разложившиеся ценности, содействовать стремящимся к новой жизни вечным ценностям в их росте, положить эти ценности в основу государственно-творческого созидания.

Если либеральная революция 1789 года была революцией национализма против «religio», против соединения, то контрреволюция, которая совершается теперь в двадцатом веке, может быть только консервативной в том смысле, что она не рационализирует и не растворяет, а заново подчиняет всю жизнь естественным законами творения. Это, пожалуй, причина, по которой также руководитель культурного направления в НСДАП Альфред Розенберг говорил в Кёнигсберге о Консервативной революции.

Из этого в политической области происходят следующие ясные выводы: проходит время эмансипации самого низкого сословия против более высоких сословий. При этом речь идет не о том, чтобы подавлять какое-то сословие – это было бы реакционно, а о том, чтобы препятствовать тому, чтобы одно какое-либо сословие восстало, овладело государством и потребовало для себя права тотальности. Тогда пропадет любой естественный и божественный порядок, и революция будет угрожать постоянно. Государство – это скорее правящая середина народного целого, в котором биологически выделяется каждое сословие, и каждый отдельный человек в результате естественного отбора занимает свое место. Но истинная власть охватывает народное целое и оттесняет любые особые претензии какого-то сословия или класса. Поэтому целью немецкой революции, если она хочет быть действительной и образцовой для Европы, должно быть обоснование естественного социального порядка, которое положит конец беспрерывной борьбе за власть. Настоящая власть не может проводиться одним каким-либо сословием или классом.

Но принцип народного суверенитета, однако, все еще превращался в это классовое господство. Поэтому об антидемократической революции можно думать до конца только тогда, если она порвет с принципом народного суверенитета и снова вернется к принципу естественной и божественной власти. С этим отнюдь не следует путать лишение народа его прав.

Из демократии может выйти анонимная тирания, в то время как уничтожение народной свободы никогда не может получиться из настоящего ответственного правления.

Я знаю, насколько вождь желает того, чтобы в народе оставалось живым чувство настоящей, ответственной, справедливой власти. Поэтому я думаю, что со временем немецкое государство увенчается государственной вершиной, которое раз и навсегда уйдет от политической борьбы, демагогии и борьбы экономических и сословных интересов.

Рядом с необходимостью принципа власти из более высокой ответственности и надличностной продолжительности стоит – во взаимной обусловленности с ним – необходимость создания нового социального порядка. Чувство необходимости этого порядка движет все европейские народы, которые прошли через гигантские перемены индустриализации, урбанизации, механизации и капитализации. То, что это желание социального преобразования живет, в особенности, в фашизме и национал-социализме, не требуется особо подчеркивать. С другой стороны, мы осознаем, насколько чрезвычайно сложно снова превратить в народ массу, утратившую связь с кровью и почвой, ибо здоровые сословные связи и иерархии исчезли в либеральный век. Поэтому для национал-социализма чрезвычайно важно сначала вернуть душу этих масс народу и государству. Это происходит в основном через воспитание, дисциплину и пропаганду. Национал-

социалистическая система выполняет, таким образом, сначала то задание, для которого парламентаризм стал слишком слаб: восстановление непосредственного контакта с массами. Возник такой вид непосредственной демократии, которой удалась вновь обрести ускользающие от государства массы. За этой обусловленной временем необходимостью стоит, однако, как революционная цель нечто намного большее: создание такого социального порядка, который основывается на общепринятых органических формах, а не только на искусном владении массой. Если Французская революция создала основные формы в парламенте и во всеобщем избирательном праве, то целью консервативных революций должно стать: через создание органической сословной структуры прийти к таким всеобщим принципам. Доминирование единственной партии на месте по праву исчезнувшей многопартийной системы представляется мне исторически как переходное состояние, которое будет правомочным лишь до тех пор, пока этого будет требовать обеспечение перелома, и пока не приступят к работе кадры, прошедшие новый персональный отбор.

Ибо логика антилиберального развития требует принципа органического политического формирования воли, которое основывается на добровольности всех частей народа. Только органические соединения превзойдут партию и создадут ту свободную народную общность, которая должна стоять в конце этой революции.

Следующий решающий факт этой революции двадцатого столетия – это конец космополитизма, который не является ничем иным, как плодом либерального представления о владеющей всем власти мировой экономики. Ему противостоит национальное пробуждение, то почти метафизическое мысленное возвращение к собственным кровным источникам, духовным корням, к общей истории и жизненному пространству. Только сегодня мы снова вырабатываем то здоровое чувство исторического единства тела и души, языка и обычая, которое по сути своей внегосударственно и необходимо как противоположный полюс к государству. В то время как в национальной демократии народность и государство стекаются в одно, мы теперь снова понимаем плодотворное напряжение между народом и государством, из которого государство получает те силы, без которых оно будет пустым механизмом. Поэтому также народно-национальное сознание – это нечто иное, нежели воспринятый как государственно-национальный национализм. Если государственный национализм ведет к изоляции народов друг от друга, к взаимному растерзанию и вместе с тем к балканизации Европы, то у укрепленного народно-национального сознания есть тенденция признавать святость всех народов. Народно-национальное пробуждение открывает, таким образом, дорогу для сотрудничества между народами.

Я в Дортмунде уже указывал на то, что современная техника требует создания экономических больших пространств; что Европа, столкнувшаяся с самой жест-

кой конкуренцией со стороны заокеанских континентов, могла бы только тогда хотя бы временно сохранить свой уровень жизни, если она в какой-то мере сможет уменьшить европейские общие затраты. Дорога к этому образованию экономических больших пространств, в том виде, в котором их требует век самолета и автомобиля, ведет через то освящение народностей и через представление о таких соединениях в большие государства, которые сохраняют неприкосновенность народностей и не обижают их. К этому, однако, относится и добровольный отказ от государственного тоталитаризма, который не признает никакой естественно выросшей самостоятельной жизни. К этому относится, прежде всего, понимание существа государства власти, которое хоть и не допускает ничего, что может нанести вред государству, но также и не требует, чтобы все происходило только через государство.

При развитии этого представления о целях немецкой революции я оказался посреди проблематики современного положения, о которой я, в соответствии с моими вступительными словами, не хотел бы умолчать. Вопрос, который я поднял как основную проблему наступления новой эпохи, разделение на верующих и неверующих людей, касается дискуссии вокруг понимания государства. Государство должно решить, хочет ли оно быть религиозным или светским. Историческая логика требует, чтобы за либеральным, светским государством 1789 года последовало основывающееся на религии государство немецкой контрреволюции. Однако религиозное государство, которое опирается на живую веру в Бога, вовсе не следует путать с секуляризированным государством, в котором ценности земного мира ставят на место веры в потустороннее и украшают их религиозными почестями. Также здесь справедливы слова вождя из его произведения «Моя борьба», где он пишет: «Я заявляю совершенно открыто, что в людях, которые хотят теперь ввергнуть наше движение в религиозные споры, я вижу еще гораздо худших врагов моего народа, нежели даже в интернационально настроенных коммунистах». Конечно, даже внешнее внимание к религиозному признанию – это уже прогресс по сравнению с тем лишенным почтения отношением, которое демонстрировал дегенерировавший рационализм. Но мы не можем забывать, что настоящая религия это соединение с Богом, а не с теми заменителями, которые были введены в сознание народов как раз материалистическим пониманием истории некоего Карла Маркса. Если теперь широкие круги как раз с точки зрения тотального государства и полного сплавления народа требуют унифицированной религиозной основы, то они не должны забывать, что мы должны быть счастливы обладать такой основой в христианстве. Им также пора бы задуматься над тем, является ли кризис христианства, о котором утверждают, не следствием самонадеянности или омертвелости христианской спасительной истины – как часто утверждается, и не утратили ли, вероятно, рационализированные и либерализованные люди в значительной степени свою внутреннюю способность понять мистерию Христа. Я убежден, что христианское учение

представляет собой совершенную религиозную форму всего западноевропейского мышления, и что с повторным пробуждением религиозных сил происходит также новое проникновение немецкого народа христианским добром, о последней глубине которого едва ли может уже догадываться прошедшее через девятнадцатый век человечество. За это решение, будет ли новая империя немцев христианской или заблудится в сектантстве и полурелигиозном материализме, будет идти борьба. Это решение будет простым, если какие-либо попытки повлиять на него с позиций государственной власти в направлении насильственной реформации не состоятся. Нужно признать, что в сопротивлении христианских кругов государственным или партийным вмешательствам в церковь содержится политический момент. Но только потому, что политические вмешательства в религиозную сферу принуждают тех, кого они затрагивают, чтобы они по религиозным причинам отвергали противоестественную в этой области претензию на тотальность. Также как католик я понимаю, что построенное на свободе совести религиозное убеждение отказывается позволять политике командовать собой. Поэтому не нужно обманываться в том, что, например, навязанная религиозная борьба породила бы такие силы, в борьбе с которыми даже насилие потерпит провал. Также в тех кругах, которые ожидают нового, исконного религиозного объединения, однажды пора поставить вопрос, как они представляют себе выполнение немецкой задачи в Европе, если мы добровольно исключим себя из ряда христианских народов.

(Под исконной религией имеется в виду возрождение германского язычества и подобные ему течения – прим. перев.)

Любое воздействие на европейское пространство кажется мне при таких предпосылках невозможным. Факт общей европейской культуры и цивилизации, в которую мы сами сделали такой большой вклад, обязывает нас вопреки всей нашей национальной самобытности к отдельной культурной работе. Мы не можем закрыться в духовном плане за границами и добровольно отправиться в гетто. Здесь-то и кроется настоящая реакция, самоизоляция по отношению к исторической необходимости и посланию народа, который, если это был действительно великий народ, все еще хранил идею империи. Старый раздор между гвельфами и гибеллинами, который тянется по всей немецкой истории, снова оживает и требует решения.

Кто знает о том, что совершается сегодня в Европе в самых лучших головах и самых благородных душах, тот прямо-таки чувствует, как в Европе начинает прорастать новая партия гибеллинов, которая несет в себя идеал той аристократической основной мысли природы, о которой говорит вождь, и которую подгоняет страстное стремление к счастливой части света. Быть обновителем означает смотреть выше временных преимуществ и предубеждений, стремиться к тем вечным порядкам, которые во все времена и во всех нациях жили в стремлениях лучших.

Бессмысленно скрывать от самого себя, что открылась определенная расселина между духовным желанием и ежедневной практикой немецкой революции. Это также не удивительно! Чтобы противостоять этой опасности, нужно спросить себя о причинах этой ситуации. Эти причины нужно искать в том, что в немецкой революции – как это часто случается в истории – духовный поворот сталкивается с социальным переломом. Духовный поворот стремится к упомянутой аристократической основной мысли природы, а социальный перелом находится в опасности до определенной степени оказаться под влиянием той динамики, на которую в свое время уже опирался в политическом плане марксизм. В таком положении руководство стоит перед огромным заданием, решение которого требует очень трудного и большого решения настоящего государственного деятеля. Это задание исчерпывающе описал для похожей исторической ситуации Конрад Фердинанд Майер в его замечательной новелле «Искушение Пескары», где он так передает отношение Мартина Лютера к Крестьянским войнам: «У двигающего мир человека есть две обязанности: он осуществляет то, что требует время, но потом – и это трудное задание – он стоит как гигант против брызжущей бурлящей пены столетия и бросает за собой взволнованные массы и плохих мальчишек, которые хотят содействовать, преувеличивая и позоря его праведное дело».

То, что это огромное задание, которое во все времена дается революционеру, еще предстоит выполнить, совершенно очевидно. Руководство должно будет проследить за тем, чтобы никакая новая классовая борьба не повторилась под каким-то другим знаменем. Оно хочет народной целостности и поэтому при всем признании национальных заслуг отказывается навсегда разделить народ на привилегированный класс и на класс с меньшими правами. Такое отношение не соответствовало бы почти стопроцентной поддержке нового государственного руководства немецким народом 12 ноября 1933 года.

Хотя само собой разумеется, что носители революционного принципа также занимают сначала командные позиции. Но если революция осуществлена, то правительство представляет только всю народную совокупность, однако, оно никогда не является представителем отдельных групп, в противном случае оно не справится с созданием народной общности. При этом нужно также порвать с неверными романтичными представлениями, которые не соответствуют двадцатому веку. Так мы не можем и подумать о том, чтобы повторить разделение народа по древнегреческому образцу на спартиатов и илотов. В конце такого развития спартиатам не оставалось ничего иного, кроме как подавлять илотов, вследствие чего внешнеполитическая сила Спарты ослабла. В государстве истинной народной общности призыв к внутриполитической борьбе должен однажды, наконец, умолкнуть. Конечно, отбор должен быть. Но естественный принцип вычленения и отбора нельзя заменить на верность определенной формации, до тех пор пока мотивы этой верности остаются непостижимыми. Поэтому

национал-социализм всегда боролся за то, чтобы заменить партбилет испытанием человека и его достижениями. С другой стороны, аристократия – это не только принцип крови, но и принцип духа. Поэтому нельзя отбрасывать дух под лозунгом «интеллектуализма». Недостаточный или примитивный интеллект еще не дает права на борьбу против интеллектуализма. И если мы сегодня иногда жалуемся на «150-процентных» национал-социалистов, то это такие интеллигенты без почвы, такие, которые хотели бы оспорить право на существование ученым с мировым именем только потому, что у них, мол, нет партбилета. Но коренящийся в существе и крови дух обладает сильным характером, он беспристрастен, он находится во власти сознания и совести. При всех обстоятельствах он достоин уважения нации, так как она совершает грех против творения и отрицает саму себя, если отрицает дух. Мы должны остерегаться опасности исключить духовных людей из нации, и мы должны помнить о том обстоятельстве, что все великое приходит из духа, также и в политике. Также нельзя возражать против того, что духовные люди ощущают недостаток жизненной силы, без которой нельзя вести народ. Настоящий дух настолько жизнеспособен, что он жертвует собой ради своих убеждений. Путаница жизненной силы с жестокостью обнаружила бы поклонение насилию, которое было бы опасным для народа.

Однако самый плохой интеллектуализм – это господство лозунга. Так существуют принципиально либеральные люди, которые и одной фразы не могут произнести, чтобы не злоупотребить словом «либеральный». Они думают, что настоящая гуманность якобы либеральна, хотя она все же на самом деле плод антично-христианской культуры. Они обозначают свободу как либеральное понятие, хотя это понятие исконно германское на самом деле. Они выступают против равенства перед судьей, которое они разоблачают как либеральную дегенерацию, хотя в действительности это равенство является предпосылкой любого справедливого приговора. Эти люди подавляют то основание государства, которое всегда, не только в либеральные времена, называлось справедливостью. Их атаки направлены против безопасности и свободы сферы частной жизни, которых немец добился за века самой тяжелой борьбы.

Также высказывание «люди делают историю» часто понимается неправильно. Поэтому имперское правительство по праву выступает против ошибочного культа личности, который является самым непрусским, что только можно себе представить. Великие люди не создаются пропагандой, а растут благодаря своим действиям и признаются историей. И низкопоклонство тоже не может скрыть эти законы. Тот, кто поэтому говорит о пруссачестве, должен думать сначала о тихой и обезличенной службе, но только в последнюю очередь думать, а лучше всего – не думать вовсе о жаловании и признании.

Воспитание народа к службе в государстве – это само собой разумеющееся требование, и его нужно выполнять тем жестче, чем более небрежно относился к нему Веймарский режим. Но не нужно обманываться относительно биологических и психологических границ воспитания. Также принуждение заканчивается в воле отстаивания своих прав настоящей личности. Реакции на принуждение опасны. Как старый солдат я знаю, что самая строгая дисциплина должна дополняться определенными свободами. Даже самый хороший солдат, который с радостью подчинил себя безусловному послушанию, тоже считал дни до окончания срока своей службы, так как потребность в свободе укоренилась в человеческой природе. Поэтому приложение военной дисциплины ко всей жизни народа должно оставаться в границах, которые не противоречат человеческому устройству. Каждому человеку нужны часы, когда он принадлежит семье, отдыху или самому себе. Осознавая это, имперский министр образования предписал снова сделать воскресенье днем, который принадлежит церкви и семье. Но совершенно негодной была бы вера в то, что народ можно объединить с помощью террора. Правительство тогда столкнется с постоянными испытаниями, так как оно знает, что любой террор – это следствие злой совести, которая является, наверное, самым плохим советником, которого может себе позволить руководство. Истинное воспитание, которое всегда является дисциплиной, может выводиться только из нравственных принципов. Только вера в более высокий мировой порядок в состоянии передать истинно нравственные принципы. Патриотизм, жертвенная воля и преданность только тогда настоящие, если они как божественная заповедь коренятся в отдельном человеке.

Поэтому мы не можем себе позволить оказаться в плену полемического лозунга одиночки, который ничего не значит. Вождь требует от своего движения, «чтобы оно никогда не забывало, что в личной ценности содержится ценность всего человеческого, что каждая идея и каждое достижение являются результатом творческой силы человека, и что восхищение величием представляет не только дань благодарности этому величию, но и завязывает объединяющие узы вокруг благодарящих».

Я потому так четко описал проблемы немецкой революции и мое отношение к ним, что слухи о второй волне, которая должна завершить революцию, все никак не утихают. Кто безответственно играет с такими мыслями, тот не должен утаивать от себя, что за второй волной легко может последовать третья, что тот, кто угрожает гильотиной, сам раньше всех других попадет под ее топор. Также не ясно, куда должна привести эта вторая волна. Много говорят о будущей социализации. Разве мы прошли через антимарксистскую революцию, чтобы осуществлять марксистскую программу? Ведь марксизм – это любая попытка решить социальный вопрос с помощью коллективизации собственности. Станет ли немецкий народ вследствие этого богаче, увеличится ли национальный доход, станет ли жизнь от этого лучше у кого-то, если не считать, конечно, тех, кто

чует добычу при таком разбойническом набеге? Конечно, существует социальная проблема, вызванная экономическими и демографическими процессами. Однако справиться с ними можно только тогда, если собственность снова будет подчинена ответственности, а не вследствие того, что коллективная безответственность возвысится до господствующего принципа. Поэтому она также не может стать принципом все больше удаляющегося от собственной инициативы и ответственности способа планового хозяйства. Так как тот, кто все еще не заметил, что любая форма коллективизма ведет к неискореняемой коррупции, тот до сих пор шел по миру вслепую.

Ни один народ не может позволить себе вечное восстание снизу, если он хочет сохранить свое существование перед лицом истории. Однажды движение должно окончиться, однажды должно возникнуть прочное социальное устройство, удерживаемое непредвзятым правосудием и бесспорной государственной властью. С вечной динамикой нельзя что-то построить. Германия не может быть поездом, идущим в неизвестность, о котором никто не знает, когда и где он остановится. История течет сама по себе, и совсем не нужно беспрерывно ее подгонять. Поэтому если вторая волна новой жизни должна пройти через немецкую революцию, то не как социальная революция, а как творческое завершение начатого труда. Государственный деятель существует, чтобы создавать формы; его единственная забота принадлежит государству и народу. Государство – это единственная власть и последний гарант того, на что каждый гражданин имеет право: на железную справедливость. Поэтому государство также не может на длительный срок вынести дуализм, и успех немецкой революции и будущее нашего народа зависит от вопроса, удается ли привести дуализм между партией и государством к удовлетворительному решению.

Правительство хорошо осведомлено обо всей корысти, бесхарактерности, неправдивости, нерыцарственности и незаконных притязаниях, которые хотят распространиться под прикрытием немецкой революции. Оно также не обманывается в том, что богатое сокровище доверия, которое немецкий народ подарил ему, находится под угрозой. Если хочешь близости к народу и связи с народом, то нельзя недооценивать ум народа, нужно отвечать на его доверие и нельзя опекать его беспрерывно. Немецкий народ знает, что его положение серьезно, он чувствует экономическую нужду, он точно узнает недостатки некоторых рожденных из необходимости законов, он тонко чувствует насилие и несправедливость, он смеется над неуклюжими попытками обмануть его лживой лакировкой. Никакая организация и никакая даже самая громкая пропаганда не сможет в одиночку на длительный срок сохранить доверие. Поэтому я понял волну пропаганды против так называемых «критиканов» иначе, чем это произошло с некоторыми другими. Не подстрекательством, в особенности, молодежи, не угрозами в адрес беспомощных частей народа, а только доверительным разговором с народом можно поднять уверенность и радость деятельности.

Народ знает, что от него требуются тяжелые жертвы. Он вынесет их и будет следовать за вождем в непоколебимой верности, если ему позволят участвовать в принятии решений и в действии, если каждое слово критики не будет сразу истолковываться как злонамеренность, и если на разочаровывающихся патриотов не будут наклеивать ярлык врагов государства.

Когда действия немецких подводных лодок поразили Англию в ее жизненном нерве, английская пресса обратила внимание английского народа на всю тяжесть опасности. Успех состоял в том, что все англичане как один человек объединились для обороны. Как раз ввиду духовного и материального бойкота, которому мы подвергаемся в мире, этот пример показывает, в какой большой степени связь между руководством и народом должна строиться на доверии, если речь идет о последних вещах. Признанный недееспособным народ не может подарить доверие.

Пришло время теснее соединиться в братской любви и внимании к соотечественникам, не мешать работе серьезных людей и заставить доктринерских фанатиков замолчать. Правительство предостерегает тех, кто не хочет видеть, что немцы – это один народ среди народов посреди Европы, что скудные, доставшиеся нам по наследству блага, которые мы спасли, должны быть сохранены, и мы не можем позволить себе необдуманное разрушение унаследованных ценностей. Если мы отрицаем большое культурное наследие, если мы не уважаем или извращаем тысячелетнюю историю нашего народа, трехтысячелетнюю историю нашей части света, то мы упустим большие шансы, которые двадцатый век еще раз дает корневому народу Европы. Сегодня мировая история делается там, где с улыбкой смотрят сверху вниз на больную Европу. Если Европа хочет сохранить свое право на лидерство в мире, то нельзя больше терять ни часа, чтобы посвятить все свои силы духовному возрождению и похоронить мелочные жалобы.

Мир переживает огромные изменения, и только ответственный, дисциплинированный народ будет играть главную роль. Мы, немцы, сможем пробить себе дорогу из бессилия к достойному положению, если мы соединим дух с энергией, мудрость с силой, опыт с волей к действию. История ждет нас, но только тогда, если мы докажем, что мы ее достойны.

Велесова Слобода, 2014 г.